Не плачь, Джульетта! [Феллини]

Людмила Григорьевна Бояджиева

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пьеса рассказывает о жизненном пути знаменитого итальянского режиссера Федерико Феллини и его бессменной жены — Джульетты Мазины. Действие пьесы (построенное в виде общения и перекрестных воспоминаний героев с фрагментами фильмов) укладывается в небольшой отрезок времени — осень 1993 года — последнего года их жизни, когда Феллини и Мазина одновременно лежали в больницах разных городов — Римини и Рима. Романтический ужин сбежавших из больниц супругов ставит точку в их длинной, полной побед и обид истории. Феллини умирает прямо в ресторане. Преданная Джульетта переживет его всего на несколько месяцев.

- Людмила Бояджиева
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - СЦЕНА ПЕРВАЯ
    - СЦЕНА ВТОРАЯ
    - СЦЕНА ТРЕТЬЯ
    - СЦЕНА
    - ЭПИЗОД «СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ»
  - ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
    - ВОСЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ
    - «ДЖУЛЬЕТТА И ДУХИ» ЭПИЗОД на студии. Художник показывает Феллини и Джульетте макет афиши фильма «Джульетта и духи»
    - СЦЕНА в КАБИНЕТЕ Феллини в Ченичитта. ФЕЛЛИНИ И ПРПОДЮСЕР
    - ЭПИЗОД танца. Репетиция. Феллини дает указание Джульетте и Мастрояни

Людмила Бояджиева
«НЕ ПЛАЧЬ, ДЖУЛЬЕТТА!»
Пьеса в двух действиях

Федерико Феллини
Джульетта Мазина
Журналист (юный вариант Феллини)
Марчелло Мастрояни
Толстуха
Секретарша Феллини
Медсестра
Доктор
Эпизоды: — персоналия больницы, монахини, продюссеры, друзья и коллеги маэстро
Массовка — Персоналия фильмов Феллини

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Приемный покой Больницы в приморском городке *РИМИНИ (родина Феллини). Ночной аврал. Суетится персонал, кого–то спешно везут на каталке.*

Крики (*вахтер или рабочий, вбегая в холл***):** — Феллини! Святая Мадонна, я чуть не обосрался! Привезли самого маэстро Феллини!

Дежурный врач: — Ничего себе! Веселенький будет денек! Сейчас набегут репортеры и всяческие ротозеи. Натащат заразы. Им что больница, что цирк, никакой разницы.

Профессор (*выходя***):** — Пускать посетителей только по моему личному разрешению. Никаких особых случаев! Слышите — никаких!

На каталке ввозят Феллини, его держит за руку Джульетта. Рядом идет Медсестра.

Профессор (*направляясь к Феллини*): — Приветствую вас, маэстро! Посмотрим, что тут у нас случилось.(пальпирует живот больного) Ага… Ясненько…(*отдает распоряжения Медсестре*): В операционную. (*К Феллини*) Ваши любимые камушки, дорогой мой. Придется расстаться. Вы же не будете скучать по ним, правда? (*Подмигивает ободрительно, уходит)*

Феллини: — Что он сказал? В операционную? Но я не хочу в операционную! Не хочу быть старым, больным, бессильным. Слышите: НЕ–ХО–ЧУ!

Джульетта: — Ты никогда не будешь старым, дорогой мой. (*нагнулась к нему, принюхалась*) Скажу откровенно — ты еще отлично пахнешь. Помнишь, ты мне рассказывал про одного старика?

Медсестра (*подмигивает Джульетте и во время этого диалога делает больному укол успокоительного*): — Все будет отлично, синьора Мазина. Пусть ваш супруг полежит и поболтает с вами. Немного успокоительного сейчас не помещает.

Феллини: — Какого такого старика? О ком ты, Джульетта?

Джульетта: — Твоего соседа по комнате — римского служащего преклонных лет… Он еще все время торчал в парикмахерской.

Феллини (*обращается к жене и медсестре)*: — А-а…Скажешь тоже — старик! Да ему было не больше 40! Я приехал в Рим за удачей — тощий сопляк без гроша в кармане. Подрабатывал

карикатурами в газетенке. Пышная шевелюра и много форса. Мечты о славе и жалкий пансион у вокзала…И этот чудило на соседней койке!.. А знаешь: тогда этот малый, и правда, казался мне старцем!

Джульетта: *с преувеличенным энтузиазмом поддерживает разговор*: — Он был все же странноватым, верно?

Феллини: — Мягко сказано! Полный идиот! Чем–то липким натирал волосы, лицо обматывал горячими компрессами, мазал какими–то вонючими «элексирами вечной молодости». А спать… (*смеется)* нет вы представьте себе: спать он ложился с двумя ломтиками сырого мяса на щеках. Да, да! Он закреплял их резинками! Вот так *(показывает)*

Медсестра: — Сырое мясо прямо на лицо!?

Феллини: — По утрам я часто наблюдал странную картину: этот тип выходил из своей комнаты в халате, прикрывал за собою дверь и несколько минут стоял неподвижно, не отпуская ручку… А потом вдруг резко приоткрывал дверь и просовывал голову в щель!

Джульетта (*медсестре)*: — Он проверял, пахнет ли в комнате старостью!

Медсестра: — Ну, я вам скажу, остряк!

Феллини: — Эх, милая, вы слишком молоды, что бы оценить весь юмор шуточки под названием «старость». Знаете, я ведь тоже пару раз попытался… Резко распахну дверь комнаты, из которой только что вышел… И с замиранием сердца принюхиваюсь… (*зевает*)

Джульетта: — Вокруг тебя всегда отличный воздух! Запах лавра, морского прибоя и грозового раската. Обычный коктейль, сопровождающий гения.

Феллини (*вдруг раздражаясь)*: — Причем здесь гром и молнии! Атмосфера покоя и размышлений. Да, размышлений, Джульетта! Ты обязательно должна спорить со мной. Непременно… Даже сейчас…

(*затихает на каталке, дремлете. К сестре подходит Доктор, что–то шепчет на ухо*)

Медсестра (*Джульетт)*:: — Ну, мы поехали. Не волнуйтесь, синьора Мазина, это не слишком опасно, у профессора золотые руки.

Джульетта (*не в силах выпустить руку спящего мужа***)**: — В семьдесят три, моя дорогая, все опасно.

Медсестра: — Какие это годы для такого–то человека! Мы здесь в Римини просто обожаем вас и вашего мужа… Вот счастье привалило… Счастье, что наша больница может помочь самому маэстро Феллини! Вам лучше отдохнуть часа три–четыре, пока

будет идти операция. Он уже задремал.

Джульетта (*шепчет уснувшему мужу*): — До встречи, милый… (*крестит вслед увозимую санитарами каталку*) Поторопись выздоравливать, ФеФе, а то мне совершенно не с кем спорить.

Покачнувшись, хватается за голову.

Медсестра: — Вам плохо? Я позову врача.

Джульетта: — Ничего страшного… Переволновалась и только. (*садиться*) Вот, уже лучше.

Не беспокойтесь, детка. Я подожду в холле или выпью сока в кафетерии. Я в полном порядке… И почему мы всегда с ним спорим?

(*Джульетта остается в кресле в холле больницы. Затемнение)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

На сцене съемочная площадка фильма «Ночи Кабирии». ВОСПОМИНАНИЯ.

37-летний Феллини в режиссерском кресле с мегафоном, свистком, блокнотом на шее. Перед ним в свете юпитеров на возвышении стоит Джульетта. Она одета в нарядное пестрое платьице и туфли на каблуках. Волосы слегка взбиты начесом. На втором плане маячат персонажи фильма — Сутенер, проститутки, киноактер.

Феллини (*повторяет фразу, сказанную в больнице)*: — Ты непременно должна спорить со мной. Непременно! Когда я рассказал тебе, какой это будет фильм, ты просто взбеленилась: «Опять проститутка!»

Джульетта: — А разве я не права!? У меня что ни роль — гулящая женщина! В «Открытом окне», «Огнях варьете» и даже в «Мошенничестве»! А тут еще — Кабирия — шлюха с Геологического бульвара! Естественно, меня это здорово разозлило. В начале. Теперь–то я вникла, сообразила что к чему. Я знаю о Кабирии все.

Феллини (*заводится)*: — Все? Ха! И вырядилась в эти туфельки? А платье! Нет, милая моя, ты что–то путаешь. (*подзывает реквизитора, что–то говорит ему).*

Джульетта: — Путаю?! Знаешь, ФеФе, иногда мне кажется, что ты специально злишь меня… Так психовать и кричать ты можешь только со мной!.. Только со мной… (*всхлипывает*)

Феллини: — Верно, чьи угодно ошибки я готов терпеть. Но твое непонимание меня просто бесит! Да ты же родилась в этой истории раньше всех и до сих пор не можешь слиться с образом!

Джульетта: — Я прекрасно слилась! Прекрасно!

К Феллини подходит ***Секретарша***: — Ты разрешил сегодня привести японцев.

Феллини: — *Я*!? (*смотрит на группу улыбающихся и кивающих японцев, радушно кивает им в ответ. Секретарше):* — Не помню! Чтобы духа их здесь не было! Уведи их куда–нибудь! Покорми, покажи студию!

(Секретарша говорит с японцами, но они хотят остаться, показывая, что будут вести себя тихо)

Феллини: (*Джульетте ласково*): — Мы единомышленники, Джульетта! Нам не о чем спорить! Ты уже — Кабирия! Даже в том, как ты сейчас сопротивляешься мне, уже чувствуется ее характер.

Джульетта: — Вот именно! Потому и спорю. Кабирия вовсе не пассивная жертва! У нее сильный инстинкт справедливости. Она сражается тем напористей, чем сильнее втаптывают ее в грязь. Она сопротивляется изо дня в день обидам, насилию, предательству… Маленькая и одинокая… Да, она способна вызвать слезы… Но…Но зачем делать из нее посмешище? *(плачет, размазывая грим)*

Феллини (*подходит к Джульетте, обнимает, сажает на табурет перед собой, уговаривает как маленькую девочку)*: — Поверь мне, ты большая актриса. Личность. Но, как и большинство актеров–личностей ты не знаешь себя. Не ценишь свой подлинный талант, свой комический дар. Ты не отдает себе отчета, что твоя исключительность — в игре вот этого чудного лица! В нем есть что–то детское, что–то клоунское.

Джульетта: — Ты везде ищешь клоунов! Для тебя вся жизнь — цирк!.. Я уже была Джельсоминой. Клоунессой.

Феллини: — А разве не Джельсомина сделала Мазину звездой! — «Оскар», марки духов, косметики, фасоны одежды — с именем твоей клоунессы. Критики вопили: «Да это Чаплин в юбке!»

Джульетта *(поднимается, возвращается на свою площадку в свет прожекторов)*: — По–твоему, актер, услыхав, что в его таланте есть что–то клоунское, должен считать себя польщенным. Хорошо, я жутко польщена. *(клоунски кланяется японцам, те восторженно хлопают*) С счастлива, я необычайно счастлива, господа!

Феллини: — Довольно дискуссий. А ну–ка раздевайся*! (костюмер приносит новую одежду Джульетте)* — Вот твой костюм.

Джульетта (*рассматривая вещи*): — И что же эта несчастная заработает своим ремеслом, если будет такой уродиной —

коротконогой, жалкой? (*с отчаянием снимает туфли, яркое платье*)

Феллини: — Да, жалкой и побеждающей одновременно. У Кабирии взгляд потерянной собачки: в нем растерянность, желание понравиться, найти хозяина. Но самое главное — надежда и доверие к жизни! Зачастую, совершенно напрасное, наивное, душераздирающее доверие к этому подлому миру! (*закрывает глаза, шепчет)* — И чудесному… Чудесному, девочка моя.

Джульетта (*Нехотя натягивает новый костюм)*: — Настоящее чучело. Эти белые носочки и туфли без каблуков — ты специально придумал их, что бы я казалась еще приземистей, а ноги как обрубки. (*с отвращением рассматривает жакет из куриных перьев)* — Матерь Божья, только не это! Федерико!

Феллини: — Джульетта! От фильма отказалось семь продюссеров. Они требовали, что бы я взял на роль Кабирии яркую, фактурную, сексапильную актрису. Но я не хочу снимать фильм про гулящую секс–бомбу! Эта история не о порочной любви к мужчинам, а о всепобеждающем доверии к жизни. У меня может быть только одна Кабирия — ты!

Джульетта (*натягивая перья*): — Фильм провалится! Кому понравится эта несчастная облезлая курица! То же мне — проститутка с Геологического бульвара! Жалкая девчонка из провинциального приюта.

Феллини, (*осматривая ее)*: — Совсем не плохо. Даже, можно сказать, великолепно! *(подходит, взлохмачивает ей волосы)* Теперь отлично! Отлично, Джульетта! Уфф! (*К съемочной группе)* Внимание всем! Итак, мы снимаем второй эпизод. Кабирия вышла на работу после того, как ее любимый мужчина обокрал ее и пытался утопить. Она сожгла его вещи, вырвала воспоминания из своего сердца, принарядилась и вышла на улицу. Она среди своих, она готова затеять скандал, смеяться, драться, спорить — жизнь продолжается…

Японцы *рукоплещут*: — Колосий, колосий цирк полусился, Феллини–сан.

Щелкая киноаппаратами и продолжая улыбаться и кивать, под предводительством Секретарши японцы нехотя покидают площадку.

Феллини: (*Джульетте)* — И никогда не говори так. Я запрещаю, слышишь, Джульетта! Никогда не говори, что наш фильм провалится.

Хлопушка «НОЧИ Кабирии»

На экране — крупный план финала. Кабирия идет по дороге, ее обгоняет веселящаяся молодежь.

На авансценупод эту музыку выходит ***Журналист — подобие*** *молодого Феллини, небрежно переброшен за спину конец красного шарфа, в руках — газеты.*

Журналист: — В 1956 лента мало известного итальянского режиссера «Дорога» получила «Оскара», как лучший иностранный фильм. 1958 — новая сенсация. Американская Киноакадемия стоит на ушах, безумствует зал.

Слышен шум голосов в зале, где идет присуждение «Оскара» В свете прожекторов стоит элегантная, сияющая Джульетта с двумя статуэтками в руках.

Журналист *голосом ведущего церемонию объявляет*: «Американская Киноакадемия удостоила фильм Федерико Феллини «Ночи Кабирии» двух наград — как лучший иностранный фильм года и за лучшее исполнение женской роли. Браво, Федерико! Браво, Джульетта!»

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Больница Римини через несколько дней после операции. (1993 год*) На левом краю авансцены виден бокс с кроватью и тумбочкой. Надпись*: «**Городская больница РИМИНИ***». За прозрачной ширмой, лицом к зрителям сидит Журналист. Он присутствует в воображении выздоравливающего больного, провоцируя его на исповедь. Общается с залом, комментируя действие. Вокруг него — корзины и вазы с букетами цветов.*

Феллини *(в кровати. Толстая монахиня в крахмальном чепце ухаживает за больным).*

Монахиня: — Вы идете на поправку, синьор Феллини. Весь Римини молится за вас. Верно говорят, что в родном городе даже стены лечат. Приехали навестить родные места и с божьей помощью лишились воспаленного желчного пузыря. А в Риме еще не известно, как бы все вышло… Там все куда–то торопятся, чего–то все ищут… А чего, спрашивается?

Феллини: — Счастья, полагаю…(*приглядывается к ней*) Сестра, подайте мне, пожалуйста, вон те карандаши и листки. *(Берет карандаши, рисует заднищу отвернувшейся монашки. Заходит Доктор со стопкой телеграмм, замечает рисунок)*

Доктор: — Вижу, все идет прекрасно, а, маэстро? Скоро вы будете бегать. (*Улыбаясь, подмигивает, кладет на тумбочку пачку разноцветных бланков*) А это новые телеграммы — вся Италия желает вам скорейшего выздоровления. Розовые бланки — послания от правительства.

Феллини: — С наслаждением почитаю на досуге. Где Джульетта?

Доктор: — Я отпустил синьору Мазину в Рим — сказал, что теперь ей не о чем беспокоиться. Она уехала рано утром, вы еще спали.

Феллини: — У Джульетты срочные дела в столице… (*протягивает Доктору рисунок*) Это вид сестры Паулиньи сзади. Не могу же я пристально смотреть монашкам в лицо. Весьма выразительная… спина, не находите?

Журналист (*сообщает зрителями, находясь вне палаты*) — Спина? — сказал он? — Задница! Он всегда рисовал задницы. И на вопрос журналистов «Что вы больше всего любите?», отвечал примерно следующее: «…Гомера, мороженое с орехами, вокзалы, пустые церкви, Ариосто, женские толстые зады на велосипедном сидении…» Вот так — все в один ряд.

Феллини *(доктору)*: — Детские впечатления…Еще в весьма юных летах я с ватагой пацанья бегал к часовенке при церкви деи Паолотти, куда иногда приезжали святить свою живность крестьянки. Мы прозвали этих деревенских красоток «Усачками». На верхней губе у них отчетливо виднелся темный пушок. Мы лихорадочно пересчитывали велосипеды, определяя, сколько «усачек» приехало сегодня в часовню и ждали. Наконец «усачки» выходили со своими курами, кроликами, козами и усаживались на велосипеды. Мы замирали — наступал главный момент! Заостренные рыльца седел, словно мышки, шустро скрывались под юбками из черного блестящего и скользкого сатина. От этого обтягивались, надувались, вспыхивали восхитительными бликами задницы… Задницы, равных которым не было во всей Романье…

Доктор: — В этом смысле у нас тут благодатный край! Есть на что посмотреть. Природа и всякое такое… Медицинское обслуживание на высоте. Совсем не плохая больница.

Журналист: — Терпеть не могу больницы. Тем более, с монашками. Но уж очень хочется застать его врасплох! Схватить за живое.

Феллини: — Доктор, ко мне все время рвется какой–то журналистик. Им, видите ли, постоянно требуются интервью. Можно подумать, что мне известна истина в последней инстанции. И нужно притворяться, что все знаешь, широко мыслишь, и можешь высказать точку зрения на проблемы человеческого существования, религии, политики, любви, подтяжек. А у меня нет идей общего порядка и я лучше себя чувствую, не задаваясь ими. Да, да! Без всяких шаблонных «высоких» идей!

Доктор: — Помилуйте, я лично запретил пускать в больницу посторонних! (*заглядывает за ширму, не видит Журналиста*) — Никого.

Журналист: — Разумеется, доктор не видит меня. Ведь я присутствую лишь в воображении синьора Феллини.

Появляется **Дежурный**: — Принесли цветы от мэра Рима! (*две монахини вносят огромную корзину роз и уходят)*

Доктор: — Тут записка! (*передает Феллини*)

Феллини, (*прочитав)*: — Он называет меня «лучшим»… «Величайшей звездой на кинонебосклоне». Он прощает меня после нашей ссоры. Испугался, что я отдам концы, льстивая собака! Я должен позвонить.

Доктор *сестре*: — Приносите телефон. (*Феллини*) Только, пожалуйста, не долго, маэстро.

Феллини, (*В трубку)*: — Роццоли? Спасибо, дружище, потрясающие цветы — нечто в стиле Ботичелли. А твоя записка поможет мне лучше всяких антибиотиков… Роццоли! Эй, где ты? (*дует в трубку*) Тишина…?

Затем в трубке раздается официальный голос: «- Синьор Феллини, комендаторе плачет*!» Потом сморкание и голос Роццоли*: — Я даже слезу пустил, до того ты растрогал меня своими словами…. Надеюсь… Надеюсь, от этой болезни мозги у тебя прочистятся и ты перестанешь делать такие фильмы, как прежде. Теперь ты должен слушаться меня и снимать, что скажу я.

Феллини, (в сторону**)** — Держи карман шире, старая лисица**. (**в трубку**)** Я сделаю фильм про великого человека — про тебя, дружище…

Доктор: — Ну, я оставлю вас, дорогой мой. Пора, пора отдохнуть от столь бурных впечатлений. (*уходит, унося телефон*)

Феллини: — И пусть уберут подальше эти розы. Развонялись, как в парфюмерной лавке.

Ночь. Феллини один. Работают аппараты. Журналист у его палаты. В темноте проплывают светящиеся головы. Вокруг Журналиста — вазы с цветами, корзина роз.

Журналист *(в халате сиделки)*: — По ночам коридор полон цветов, вынесенных из палаты — цветы, цветы. Как на кладбище. Горят только ночники. В полутьме иногда видишь плывущую по воздуху светящуюся голову как в каком–нибудь старом детективном фильме. Это монахини или санитарки, направив свет своих электрических фонариков кверху, проверяют градусники. Вот таким манером. (*показывает, освещая свое лицо фонариком. Заходит в палату Феллини, берет градусник, садится в ногах кровати)*.

Феллини (*окончательно просыпается, зажигает свет, пытается столкнуть его, но бессильно падает на подушки)*: — Дождался–таки, что у меня нет сил намять тебе бока, патака.

Журналист: — Патака — романьольское ругательство. Но я

не обидчив. Тем более — в победном расположении духа. Я давно гонялся за вами. Давно хотел поболтать по душам, маэстро.

Феллини: — Выжидал, когда льва ранят и напал, как гиена. Проник сюда под видом медицинского работника… Патака! Вонючий патака.

Журналист: — Воспринимайте меня как сиделку. Как доверенное лица, доброжелательного критика, понимающего друга… *(заботливо поправляет подушки, одеяло)*

Феллини: — Как Папу Римского и собственную маму. Сейчас начнешь пытать меня — будешь докапываться, какую задачу я ставлю перед собой, когда снимаю фильмы. Интересоваться философскими замыслами, подтекстом и всякой там… феноменологией духа.

Журналист: — Избави бог! У меня совсем иной интерес. Но все же любопытно, раз уж вы сами заговорили: — и зачем? Зачем вы их снимаете?

Феллини: — А мне нравится! Нравится закручивать в один запутанный клубок правду, фантазию, желание поразить, исповедаться. Мне нравится привлекать к себе внимание, морализировать, быть пророком, свидетелем, клоуном… Нравится смешить, волновать. Требуется еще какая–то причина?

Журналист: — Исчерпывающий набор стимулов художественного самовыражения. Исповедываться, нравиться, поражать, морализировать, пророчить, смешить… Пожалуй, именно этого я жду от нашей задушевной беседы. Не исключая даже фантазию. Не стесняйтесь, привирайте, дотторе!

Феллини, (*швыряет в него блокнот, карандаши)* — Скройся! Вон отсюда немедленно. Исповеди не будет.

Журналист: — Посмотрим. (*пересаживается на стул, подальше от кровати, подбирает разбросанное*) — О вас написаны тома. Вдоль и поперек проанализированы ваши автобиографические фильмы. Все, вроде, известно от «а» до «я». Как родились, гуляли, шалили, творили, блудили, молили…

Феллини: — Глупости. Я все придумал. Я врун.

Журналист: — Это тоже известно всем. Вы не любите правду.

Феллини: — Правду!? Может, тогда скажешь, что это за штука такая — ваша глубокоуважаемая и чаше всего «жестокая правда»?

Журналист: — Всего лишь один из вариантов того, что могло бы произойти..

Феллини, — Как правило — самый скучный. Запомни и запиши, что б уж больше не задавать глупых вопросов: **то, что мы называем жестокой реальностью — не что иное, как обманный маневр, убогие декорации, за которыми прячется**

Жизнь. *(Переводит дух)* **Настоящая жизнь — это праздник, ярмарочный балаган с фейерверками, ряжеными, феями, небылицами и сладко–безумной музыкой. Но на ее праздник попадают только достойные и посвященные.**

Журналист: — Уж вам–то, маэстро удалось прорваться на праздник. К чертям убогие декорации правды! Да здравствуют небылицы! Снимаю шляпу перед достойным и посвященным. Но вот в чем загвоздка… Ваша супруга, синьора Мазина…

Монхиня (*приносит Феллини телефон)*: — Доброе утро, дотторе. С вами хочет поговорить синьора Мазина.

(Высвечивается другая кровать на противоположном краю авансцены. Надпись: **«Римский госпиталь»**. *Джульетта в больничном халатике сидит в палате и говорит по телефону.)*

Джульетта: — Привет, милый! Я у кузины Ирен. С утра пораньше примеряем шляпки… Что бы не впадать в пессимизм. Столько волнений… Я беспокоюсь о тебе…А тут еще такое… Ирэн, бедолага, сильно подвернула ногу и весь ужас в том, что некому прогуливать Шани. Да, спаниеля. Милый песик, он скулит, словно чувствует, как больно его хозяйке.

Феллини: — Собаки умеют чувствовать чужую боль.

Джульетта: — Они умеют чувствовать… Даже чужую. А бывает, что организм общий, а боль чужая? Извини, извини, это я так… Ирен передает тебе пламенные поцелуи и просит прощенья, что задерживает меня в Риме. Послушай, милый… у меня пока никак не получается приехать. Прости и не капризничай. Примчусь через пару дней, договорились?

Феллини: — Пфф… Ладно, потерплю еще денек. Один день, Джульетта. Ты же знаешь…

Джульетта: — Знаю, дорогой.

Феллини: — Я не могу даже умереть без тебя. А уж выздороветь… подавно.

Джульетта: — Мы сделаем это вместе. Чао, милый. (*опускает спешено трубку, увидав появившуюся медсестру)*

Медсестра: — Простите за беспокойство, синьора Мазина. Пришли данные вашего обследования. Я передала их профессору Гарнери. Он непременно должен поговорить с вами, просил подождать, пока завершится операция. Вы можете пока посмотреть телевизор. (*передает ей пульт)*

Джульетта, (*испуганно отдергивает руку)*: — Нет, нет! У меня от него голова идет кругом…

Медсестра: — Тогда вам лучше поспать. Жмите эту кнопку, если что–то понадобится. Я рядом. (*уходит)*

Джульетта. (*одна*) — Голова кружится …(*ложится*) Старая курица. И вот что интересно: у старых куриц и молодых она

кружится по–разному. Господи, тогда меня будто на карусели вертело, обдувая ветром щенячьей радости… Ровно 50 лет назад…

Далее идет перекрестное воспоминание Джульетты и Федерико о знакомстве и начале совместной жизни. Они говорят со своих постелей из разных углов сцены. На сцене молодые актеры изображают описываемые действия.

Феллини (*в постели***):** — Странно это вышло тогда…пол века назад. Мне шел двадцать второй год и я уже несколько лет жил в Риме — подрабатывал рисунками в журнале, писал скетчи для детского радио, сочинял сценарий. «Моральдо в городе» — историю о продувном провинциале, он делал карьеру в Риме через постели богатых женщин. По радио мои сценки прямо в эфир читал очаровательный женский голосок. Некая молодая, но уже достаточно известная актриса.

Джульетта (*сидя в своей палате*): — Мне было восемнадцать! Впереди — целая жизнь! Меня опекала тетушка Джулия! Восхитительно богемная дама. Я училась в университете. И, конечно, хотела стать актрисой. Она сказала: «Иди учись и пробуй свои силы на сцене. Уж поверь мне — из тебя выйдет толк»… И верно: я вела передачи для детей на радио, играла сразу в пяти театрах — фей, различных зверьков. Мое фото висело в театральном фойе. Оно мне жутко нравилось — там совсем нельзя было понять, что улыбчивая очаровашка — вовсе не пышнотелая красотка с формами. А хилая коротышка, больше смахивающая на пацана. Ах, что за горе родиться в Италии такой мелкой и плоской! Я даже начесывала волосы вороньим гнездом, надеясь прической прибавить пару сантиметров. На улице на меня смотрели. И, мне так и казалось, думали: «бедняжка, до чего невзрачна»

Феллини: — Я ждал незнакомку с голосом феи у здания радио. Чтобы завязать знакомство, я собирался попросить у нее фото для проб в будущем фильме. Именно так завлекал девушек альфонс Моральдо в написанном мною сценарии. Конечно, я видел ее лицо на портрете в театральном фойе. Я был без ума от смеющихся глаз, от ее улыбки сорванца и имени Джульетта. А что я из себя представлял? Я не был ни богатеем, ни мачо. В Римини меня звали «килькой» и я никогда не раздевался на пляже, стесняясь своей худобы. Кто ж знал, что из килек получаются такие тяжеловесные киты… Но у меня была уверенность в себе, нахальство, хороший рост и дивный алый шарф, овеянный предчувствием побед и праздников.

С тех пор алый шарф — мой постоянный талисман, «фирменный знак», как говорят теперь.

Джульетта: — На мне было новое шелковое платье в мелкую черно–белую клеточку с юбкой солнце–клеш, взлетавшей от малейшего ветерка, и потому — отличное настроение.

Феллини: — Я провожал взглядом каждую пышнотелую блондинку, выпархивающую из подъезда Радио. И вот появилась она… Слава богу, мне хватило артистизма, чтобы скрыть разочарование… М–м–м-да… Малышка была далека от моего идеала.

Джульетта: — Ему удалось удержать на физиономии восхищенную улыбку, и он лихо разыграл свой сценарий. Я подарила ему фото с автографом для пробы на роль к его, якобы, уже готовящемуся фильму, и была с лету приглашена на ужин в ресторан! О, ужас! В один из шикарнейших ресторанов Рима! Конечно, я заметила, что парень явно хорохорится. Конец алого шарфа он небрежно забрасывал за спину, чтобы скрыть потертые лацканы пиджака… О, дорогой мой! Он просто не знал, как от меня отделаться…

Джульетта: — Ему удалось удержать на физиономии восхищенную улыбку, и он лихо разыграл свой сценарий. Я подарила ему фото с автографом для пробы на роль к его, якобы, уже готовящемуся фильму, и была с лету приглашена на ужин в ресторан! О, ужас! В один из шикарнейших ресторанов Рима! Конечно, я заметила, что парень явно хорохорится. Конец алого шарфа он небрежно забрасывал за спину, чтобы скрыть потертые лацканы пиджака… О, дорогой мой! Он просто не знал, как от меня отделаться…

РЕСТОРАН:

Возможно два варианта сцены: 1. Юных Федерико и Джульетту играют молодые актеры. В этом случае их сцену комментируют лежащие в больничных палатах пожилые герои.

2. Молодых героев играют те же актеры. В этом случае кровати по бокам сцены отсутствуют либо затемнены.

ВАРИАНТ 1. В центре роскошный интерьер — пальмы, колонны, вазы. Официант с надменным лицом герцога подает счет севшей за столик паре (это юные: ФЮ и ДЮ.)

По сторонам сцены кровать Феллини и кровать Джульетты.

Официант: — Добрый вечер господа.

Федерико Ю: — Ужин на двоих, пожалуйста! Что там у вас сегодня в особом списке? Я имею в виду фирменные деликатесы?

Официант: — свежайший омар в раковых шейках.

Джульетта Ю(*испуганно смотрит в меню*): — О! О-омар… Ни в коем случае! У меня, к сожалению, диета. Если только немного… *(В сторону: Официант был похож на графа. Он смотрел на моего шиковавшего кавалера, явно предвкушая его*

унижение. Я заказала самое дешевое блюдо, имевшееся в обширном меню) немного простых спагетти.

Федерико Ю: — Спагетти отменяются. Сегодня у меня великолепный день, я ужинаю с самой талантливой и прекрасной актрисой Рима. (*Официанту*) — Постарайтесь, любезнейший, чтобы стол был накрыт с отменным вкусом.

Джульетта Ю (*делает последнюю попытку спасти кавалера от позора***)** — Мне так хочется прогуляться на свежем воздухе**…**

Федерико Ю: — Мы непременно прогуляемся после. Я чертовски голоден.

(Федерико*, лежащий в постели, комментирует)*

— Я настоял на хорошем ужине. Стол был накрыт по высшему классу, уж поверьте. Уж я это дело знал. Малышка почти ни к чему не притронулась. Она с ужасом ждала момента расплаты. Она готова была залезть под стол при виде предъявленного официантом счета. Вот тут я сделал то, о чем мечтал с самого начала!

Федерико Ю (*в ресторане, достает портмоне с толстой пачкой купюр, отсчитывает необходимую сумму, небрежно цедит сквозь зубы*): «сдачи не надо!»

СЦЕНА

Ресторан исчезает. Вариант 1: Юные герои гуляю по городу, изображают свадьбу — иллюстрируют рассказ лежащих в кроватях героев. Вариант 2: Актеры рассказывают и показывают происходящее в их рассказах

Джульетта (*в больнице*: — Он оставил щедрые чаевые. Его кошелек был туго набит купюрами… Никогда в жизни я больше не видала в руках Феллини таких денег. Но именно в тот момент я раз и навсегда поверила: Федерико совершенно необыкновенный!

Федерико: — А я никогда не говорил, как разбогател на один вечер. Долгое время это было моим единственным секретом. Мы встречались с Джульеттой каждый день, и с каждым часом все сильнее затягивалась удавка влюбленности. Мы гуляли по городу и говорили без умолку. Какими восторженными глазами смотрела на меня эта крошечная фея! Это так подстегивало мое летучее вдохновение, что я даже стал путать, где и что привираю.

Джульетта: — Его историям не было конца! Словно он уже прожил три жизни. Не важно, что детали все время перемешивались и путались. То его побег с цирком продолжался месяц, то целое лето, а то получалось, что родители разыскали девятилетнего сына в шапито на следующий же день. Он там

ухаживал за больной зеброй. Я так хотела верить и в добрых клоунов и в праздничный фейерверк манежа, и в захворавшую зебру… О… Этот парень так ловко расправлялся с непреклонностью фактов, что сразу стало ясно: он положит жизнь на лопатки — эту зануду с ее вечными запретами: «так нельзя», «так не бывает». Он фонтанировал радостью и ощущением праздника. Разве можно было устоять?

Федерико:: — Через пару недель мы объявили о помолвке и поселились в особняке тети Джулии, а через несколько месяцев сыграли свадьбу.

Джульетта: — Надо сказать, нам было страшно весело. Хотя шел 43 год и Федерико упорно косил от армии Муссолини — то водил за нос медкомиссию, то просто скрывался

Федерико: Даже обвенчаться в церкви мы побоялись. Падре провел обряд под витражами в лестничном пролете доме моей доброй и далеко не бедной тети. «Аве Марию» — пел мой голосистый друг. Тетя плакала.

Джульетта: — А вечером мы пошли в кинотеатр «Галерея». Перед началом сеанса на сцену вдруг поднялся конферансье и попросил всех присутствующих поздравить находящихся в зале новобрачных. Мы поднялись, а весь зал глазел на нас и хлопал! Мой муж умел устраивать сюрпризы. «Святая Мадонна, он добьется своего — станет самым знаменитым кинорежиссером» — так я думала тогда, глядя на него снизу вверх.

Федерико: — Моя юная жена настояла, что бы я снял свой первый самостоятельный фильм «Огни варьете». Финансовые вопросы помог уладить Росселини, с которым я сотрудничал. Примерив мантию режиссера — высшего правителя империи чудес, я быстро понял — к и н о — это зараза, сумасшествие, бред. Пьянящая сила огромной, почти божественной власти вмиг преобразила закомплексованного провинциального «кильку». На съемочной площадке я стал волевым, требовательным, наглым, капризным. Запросто, словно таким и родился.

Журналист: — Это произошло уже в 1950-м, после его работы с Росселини, версии знакомства с которым крайне противоречивы. Росселини уверяет, что познакомился с Федерико через Джульетту, с ним дружившую. Сам же Феллини упорно пересказывает забавную сценку в звукозаписывающем ателье, где он подрабатывал, делая моментальные зарисовки посетителей, посылавших звуковое письмо. Как–то в ателье зашел Роберто Росселини — уже известный в те годы кинорежиссер.

— А у тебя неплохо получается, — посмотрел он на портрет улыбающегося японца. — Заходи завтра, поговорим. — И протянул парню свою визитку.

На следующий же день Росселини предложил Федерико поработать с ним над сценарием. Фильм «Рим — открытый город» завоевал признание. Потом у Феллини было множество совместных работ с разными режиссерами. Наконец, появились самостоятельные работы — «Огни варьете», «Белый шейх», «Маменькины сынки», «Дорога», «Мошенничество» и — полный восторг — «Ночи Кабирии»! (*снова кричит*) «Браво Джульетта! Браво Федерико!» (*В лучах прожектора Джульетта с двумя «Оскарами» в вытянутых руках. Но шум аплодисментов и восторженный рев смолкли. Тишина.)* — Гром победы пророкотал и стих…Тишина… Господа, вы наверно думаете, что если режиссер и ведущая актриса схватили по «Оскару», то за ними гоняются продюсеры с мешками денег и умоляют запустить новый фильм? Увы, уважаемые обыватели, не так все просто в сфере большого Искусства…

ЭПИЗОД «СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ»

*Вывеска «***Киностудия Чинечитта. Кабинет Ф. Феллини»**

Феллини *перебирает папки с фотографиями, завалившие стол, рассматривает фото*: — Где ты, красавица–божий одуван? Почтенный возраст так живописен. Этот единственный зуб, эти сморщенные складки кожи…красота! Привет, карлик! Извини, красавчик, пока ничего для тебя не придумал. Ага, старикан с черепушкой Эйнштейна! Подожди, подожди, дорогой. Вот есть у меня одна мыслишка… А, «старый аристократ»! Мощи развратника. Ты то мне и нужен, бродяга.

Пишет что–то на обороте фото.

Входит Джульетта. Берет стопку отобранных Федерико фотографий. Читает надписи на обратной стороне: «Сумасшедший ученый», «Вислозадая воровка», «Видел. Косит еще сильнее», «Похудела, буфера свисают до колен», «Горластая телка. Могла бы сойти за римскую блядь из общества»… Твой фотоархив растет. Кто–то стареет, кто–то худеет. Только карлик вряд ли вырастет. Да и я — не помолодею.

Кладет на стол принесенные конверты.

Феллини: — Что там у нас?

Джульетта: — Предложения из Голливуда. Они хотят, что бы ты снял «Дочь Кинг — Конга» или что–то увлекательное о похождениях Казановы.

Феллини: — От мемуаров этого занудней шего пройдохи меня мутит. Лучше бы его оскопили, что б не мучался. Только американцы могут рассчитывать, что засушенный кузнечик может стать съедобным в остром эротическом соусе.

Джульетта: — Если соус для них живенько состряпает нашумевший итальянский повар экзотических блюд.

Феллини: — Перебьются. Хотя…Черт бы их побрал! Но это единственная реальная возможность заработать деньги на мой фильм. Видишь ли, я полагал, что решил дилемму «делать деньги» или «делать искусство». Что сумел–таки зарабатывать искусством, не опуская планку до коммерческого ширпотреба. Увы…Не вышло!

Джульетта: — «Дорога» и «Кабирия» идет по всему миру. Отличные сборы. Но их мало для запуска нового фильма. Разумеется, фильма не дешевого, с размахом, с постановочными эффектами! Ведь маэстро не привык экономить на своих фантазиях.

Феллини: — Милая! Это же кино! Создание новой вселенной! Сотворчество с Господом! Писатель может обойтись листком и чернилами, композитор — пианино или дудкой. Художнику для самовыражения достаточно раздобыть кисть и краски. Мне нужен целый мир! Целый мир — понимаешь? А кто мне скажет, сколько стоит мир?

Джульетта: — Мир твоих фильмов, маэстро, бесценен, но продюсеры будут считать каждую лиру. И тянуть, тянуть… А кто скажет мне, сколько стоит ожидание?… «Кабирия» вышла три года назад. Меня сравнивали с Чаплином, приглашали сниматься наперебой… А я ждала тебя. Помнишь нашу идею сделать фильм по дневникам монахини? Я о ней все время думаю.

Феллини: — А я думаю сейчас о другом… Рим — сумасшедший, жалкий и роскошный ночной Рим… Сладкое безумие апокалиптической вакханалии… панорама траура и руин. Эти руины освещает такой яркий, такой празднично–веселый, такой золотистый свет, что жизнь становится сладко–приятной. Она ведь все равно сладостна, пусть рушатся развалины и обломки вот–вот прихлопнут тебя!

Джульетта: — Понимаю… На очереди «Сладкая жизнь». Без Джульетты Мазины… А знаешь — меня все еще зовут сниматься… С приличными гонорарами. Думаю, пока не забыли Кабирию, надо ловить шанс. Пожалуй, я приму предложение. Какое–нибудь…

Феллини: — Ты о чем, Джульетта?! Марать свой талант в фильмах каких–то социальных памфлетистов или слюнявых… парнографов… *(вскакивает, разбросав фломастеры и фото, мечется в возмущении)* — Это предательство! (*садится)* Это совершенно невозможно — бросить меня в такой момент одного! Именно сейчас!

Джульетта: — Господи! Да кто тебя бросает? Я только

пошутила. Эх… *(гладит его волосы)* — Ты же прекрасно знаешь, милый. Не поеду я никуда — ни к парнографам, ни к биографам. Я буду рядом — и мы скоро запустим наш фильм о сладостно–приятных руинах. Клянусь, для меня нет и не может быть ничего более интересного. (*горько*) Клянусь…

Феллини: — Карлини слинял.

Джульетта: — Вот черт!.. Это (*считает в уме*) это седьмой продюссер, отказавшийся от «Сладкой жизни». По–моему одно название тянет, по крайней мере, на «Золотого льва». И что сказал тебе этот индюк? Он же видел актерские пробы, наброски сценария! Он целовал мне руки и клялся, что счастлив от одной только чести работать с Феллини…

Феллини: — Продюссеры — самые тупые люди на свете. Тупые, лживые и упрямые. Каждый из них маниакально убежден, что ему–то известна формула успеха! А чем Карини лучше?

Джульетта: — У него интуиция на ходовой товар. Я сильно надеялась, что этот фильм заинтригует его.

Феллини: — Он просмотрел подготовительный материал, потребовал наброски, макеты, долго копался в моих рисунках, фото. Пыжился, надувал щеки, словно директор школы, устраивающий разнос нерадивому ученика (*изображает Карлини)* «– Что я могу тебе сказать, Фефе? В сущности, терять деньги — это составной элемент профессии продюссера. Неудачный фильм для меня вопрос финансового порядка, для тебя же это может быть конец, катастрофа. Мой тебе совет — оставь эту затею. Найди в себе смелость отказаться…»

Джульетта: — Отказаться!? Еще чего! Не сдавайся, Фефе! Ни за что не сдавайся! Восьмой продюссер будет наш. И я найду его — самого сообразительного пройдоху! Пусть богатеет, «Сладкая жизнь» принесет ему миллионы. А тебе — славу.

Феллини: — Славу? Ха! Джульетта! Ты же лучше всех знаешь, как я ненавижу все эти конкурсы, фестивали, призы… Фальшивка, лепнина из папье–маше на мраморном портале… Тошнит.

Джульетта: — Ладно — фильм разнесут в пух и прах. Уж Церковь наверняка не приласкает. Ты ж непременно станешь задираться.

Феллини: — Ну почему ты всегда меня подзуживаешь? Почему всегда принимаешь замысел в штыки? Ладно: снимаем сладенькую пастораль с белыми овечками и церковными гимнами… Ты этого хочешь? Ну, скажи же, наконец, что ты хочешь, Джульетта?

Джульетта: — Сказать? Сам ты не знаешь, не знаешь, конечно же? Хорошо, скажу: — я хочу быть актрисой. Актрисой, а

не секретаршей на пенсии! (*выходит, хлопнув дверью*)

СВЕТ на левой кровати. *Журналист в палате Феллини, перебирает газеты.*

Журналист: — Иногда она взбрыкивала, но никогда не оставляла тебя без своей поддержки. Как эта маленькая, деликатная женщина умело вела твои дела! Как мужественно держалась, как тонко обхаживала нужных людей. Тебе было так удобно за ее спиной — бескомпромиссный, резкий, не лебезивший ни перед кем, пренебрегающий связями и общественным мнением маэстро. С каким придыханием писали восхищенные критики: «*он никогда не ходит на коктейли, званые обеды и ужины, не участвует ни в каких приемах, которые непрерывно устраивают в Риме кинематографисты. Быть может, он — наименее заботящийся о своей общественной карьере, наименее честолюбивый и наименее пробивной художник на свете».* Джульетта дала тебе возможность быть таким: не изменяя себе, оставаться на плаву. Она пробивала твои фильмы, не пробивной художник.

Феллини:(*в постели*): — Боже, разве я спорю? Я молюсь на нее, хотя и не выставляю свои откровения напоказ. Джульетта — сильная женщина и абсолютно надежный партнер. Джульетта — часть меня. Благодаря ей я могу делать единственное, что мне дано свыше: рассказывать свои истории. Рассказывать — вот, по–моему, единственная игра, в которую стоит играть.

Съемочная площадка. Журналист вывешивает таблицу «Чинечитта» Павильон№ 5»

Объявляет: — Знаете что это? Храм Феллини.

«Для меня идеальное место — это павильон № 5 в Чинечитта, когда он пуст. Всепоглощающее, вызывающее дрожь, приводящее в экстаз чувство — видеть перед собой пустой съемочный павильон — пространство, которое надо заполнить, мир который нужно создать»… Этому убеждению он не изменял никогда.

*Феллини за столиком под зонтиком с надписью «**Сладкая жизнь» п**ьет кофе с бутербродом и думает о своем. Перед Джульеттой стоит стакан сока, она вяжет на спицах, вытягивая нитку из сумочки. Рядом возвышается секретарша Фьяметта Профили с несколькими листками.* (*показывает на, стоящего в стороне смирно стоит странная компания — гротескная толстуха, какие–то нелепые типы во главе со стариком с физиономией Эйнштейна).*

Фьяметта *(читает список):*

— Журнал мод просит коротенькое интервью об изменении в силуэте мужских брюк.

— Французский музей обуви спрашивает, не можешь ли ты

прислать хоть один твой ботинок для пополнения экспозиции.

Феллини (*не выходя из задумчивости***):** — Отправь один.

Фьяметта: — Просят прислать какую–нибудь твою вещь на благотворительный аукцион.

Феллини: — Пошли второй ботинок.

Фьяметта: — Написать небольшую заметку о лошадях для одноименного журнала

Феллини: — Отправь рецепты блюд из лошадиного мяса.

Фьяметта: — Пришло письмо от какого–то француза. Он пишет, что раз уж ты специалист по карликам, ему хотелось бы задать тебе пару вопросиков.

Феллини: — Пошли его подальше.

Фьяметта: — Автор книги о колдунах просит, что бы ты, поскольку эта тема тебе близка, поставил свой автограф на нескольких тысячах экземплярах,

Феллини: — Увеличив таким образом, их стоимость. И этого туда же.

Фьяметта: — Некая австрийская скульпторша хотела бы снять маску с твоего лица…

Феллини *(теряя терпение)*: — Еще чего! Снять маску? — Совершенно обезумели. Хватит, хватит, Фьяметта. Я вижу у тебя там еще целых два листа.

Джульетта *(Фьяметте):* — Оставь список мне, просмотрю, что можно сделать. Нельзя же совершенно пренебрегать общественным мнением. Ты ведь знаешь, милая, вряд ли можно найти менее склонного к публичным реверансам человека, чем наш Фе Фе. (*Федерико*) Вот оно, милый мой, сладкое бремя славы. *(берет часть листков читает):*

Тебя просят написать предисловия к следующим изданиям:

— фотоальбому о пляжах.

— к книге о романьольской кухне.

— к книге о белой магии.

— к книге о черной магии.

— к альбому эротических фотографий.

— к книге о Риме

— к книге о Венеции

— к нескольким альбомам комиксов.

Боже, надо иметь целый издательский дом! У тебя громадный авторитет, маэстро и, видимо, энциклопедические знания.

Феллини: (*отбирает листки, рвет, выбрасывает)*: — Все хотят получше заработать. Заработать на моем имени. Только и всего.

Фьяметта: — Приятно знать, что твое имя дорого стоит! Вот здесь, Федерико, нечто более интересное. Американский научный

журнал просит тебя написать небольшую статью на тему «Каково значение программы освоения космоса и в каком направлении ее следует развивать». Не слабо, а? Может, попросить нашего дворника Анцифо? У него сын кончает школу. Отличник по физике. Или вон того «ученого» (*показывает на старика с физиономией Эйнштейна)*

Старик *«ученый», заметив, что на него обратили внимание, бросается к Феллини*: — Хоть какую–нибудь роль, док! Дайте мне хоть немного подзаработать!

Джульетта: — У тебя здесь целый балаган. Эти бедолаги следуют за тобой постоянно. *(дает старику деньги.)* По улицам Чинечитта за тобой всегда следует толпа каких–то калек, полубезумных стариков. Странная причуда.

Феллини: — Это моя армия. Мой рабочий материал, который всегда должен быть под рукой.

Старик: — Там еще Фабрицио и Роза — они пришли к вам, дотторе!

Феллини: — Ну что ж, надо повидаться с друзьями (*Уходит со стариком)*

Фьяметта Д*жульетте*: — Феллини строг с ними. Он гонит их проч. Но они липнут как мухи — что поделаешь — они его дети и он должен их содержать. Чаще всего маэстро просто дает им немного денег.

Джульетта: — Немного! Думаю, большая часть заработка Федерико уходит на поддержание жизни этих «обрезков» прежних работ. Как бережно хранит он их фотографии! Перебирает, испытывая чувство вины, словно отец, увиливающий от алиментов. А частенько обещает снять «невинный фильм». Так он называет дешевый фильм с двумя–тремя актерами. После которого не остается «детей».

(*Обе женщины смеются*)

Феллини: (К*омпания оборванцев, благодарно кланяясь Феллини, уходит. Он возвращается, обращается к секретарше*: — Мы закончили с твоим списком, Фьяметта?

Фьяметта: — Джульетта просмотрит основное. Думаю, она лучше тебя ответит на вопросы немецкого «Космополитена». Немцы хотят узнать, «что думает Феллини о гомоэротических импровизациях? Какое впечатление он производит на женщин? О каком актере и какой актрисе может сказать, что он обладает эротической притягательностью и почему?»

Джульетта: — Вот уж точно — не обо мне. Обо мне ФеФе такого не скажет. Поразительно — столько лет вместе и никаких гомоэротических импровизаций. Самый выдающийся экземпляр по части эротической притягательности — Анита. Анита Экберг.

Ну и, само собой — Анна Маньяни.

Феллини: — Анита — притягательный центр фильма. Светлый луч, живой источник…В ней основная сладость моего погребального ритуала… Должна быть некая акция ее совокупления с Римом. Некий эпизод… А что если ее искупать в фонтане? Такую великолепную, притягательную… Как ты думаешь?

Джульетта: — Чуть пьяненькую, в черном вечернем платье с обнаженными плечами. Да, непременно с обнаженными!

Фьяметта: — Я больше не нужна? Мне надо дозвониться Лангетти. (*уходит)*

Феллини: — А знаешь что, Джульетта, давай вечерком проедемся по нашему любимому маршруту и обговорим завтрашний эпизоде с Анитой. Идет? (*сжимает ее руку со спицей*)

Джульетта: — Еще как идет! До чего ж я люблю этот твой «кабинет» на колесах! Именно там, в автомобиле происходят самые интересные обсуждения задуманного фильма. Там замысел созревает, наливается соком… Особенно хорош вечером мост Милано и дорога Фламиния. Тот участок, что соединяет ее с Кассиевой дорогой. Лента шоссе, летящая в свете фар среди погруженных в темноту таинственных лугов… Роскошная Анита, римская ночь… Темные улицы, молчаливые статуи…

Феллини: — И фонтан Треви! Она будет стоять под струями Треви, а Марчелло… Марчелло совсем опьянел от этой телесной роскоши, от заговора красоты, ночи, молодых желаний…

Джульетта: — Да ведь и ты здорово опьянел, дорогой. Но ведь если не обезумеешь сам, просто невозможно снять так, что бы обезумели другие. Каждая женщина должна воображать себя хоть на мгновение Анитой, а мужчина — Марчелло. Вернее тобой, Федерико. Ведь Марчелло играет тебя. И знаешь, очень похоже. До мурашек… у меня иногда аж сердце обрывается.

Фьяметта *приводит девочку:* — Вот тоже притягательный объект. По объявлению для фильма «Рим». Давно ждет маэстро.

Феллини: *девочке*: — Покажи нам, что ты умеешь?

Худенькая, черненькая, маленькая, но уже испорченная девочка лет 10 поет тонким пронзительным голосом:(из фильма «Рим»)

Эй ты, огарок свечки! Что б утонул ты в речке.

Эй ты, засаленная шляпа! Что б помер ты и твой папа.

Эй ты, огрызок пиццы! Чтоб помер ты и твоя сестрица.

Эй ты, обмылок какашки! Чтоб дед твой помер от кондрашки.

Эй, вонючие объедки, что б сдохли вы и ваши предки.

Фьяметта: — Как мило! Она сама сочиняет.

Феллини: *девочке*: — Спасибо, детка. (*к Фьяметте*) — Покорми ее в пиццерии, Фьяметта. (*секретарша уводит девочку)*

Джульетта Ф*еллини:* — Ты вставишь эту злючку в фильм? Когда я вижу таких детей, то меньше жалею о нашем первенце. Может, это была и девочка. Дернуло меня полезть на стремянку за книгой!

Феллини: — Кажется, мы ждали гостей… Твоя тетя имела огромный круг богемных друзей, да и малышка Мазина в 18 лет уже была знаменитостью… Мы о чем–то поспорили и ты полезла за словарем…Чертова лестница! От грохота сбежалась вся прислуга…

Джульетта: — Беременность три недели, говорят, на этом сроке часто бывают выкидыши. Потом я долго болела, а ты все торопил меня: «вставай, малышка, пора устроить вечеринку!»

Феллини: — Я был худ, лохмат, глазаст и для интересности любил одеваться в черное.

Джульетта: — И этот неизменный шарф… Интересно, такого рода привязанности передаются по наследству?

Феллини: — Стоп, Джульетта! Никаких разговоров о сыне! Это выбивает тебя из колеи. А нам надо поговорить о завтрашнем эпизоде. Марчелло сыграет все, что я ему скажу. Это идеальный актер — словно создан по моим меркам. Никогда ничего не спрашивает и совершенно не спорит!

Джульетта: — Наш второй ребенок — Пьетро Федерико — прожил только 14 дней. Жуткий март 1945 года…

Феллини: — Врачи сразу сказали, что мальчик не жилец, ты зря так к нему привязалась.

Джульетта: — Я молилась и надеялась… Разве можно поверить в то, что крошки не будет? И больше никто никогда не позовет тебя «мама»!

Феллини: — Джульетта! Ты сегодня в миноре. Посмотри же — все идет отлично: я с тобой!

Джульетта: — Тогда ты так и сказал мне: — «Не плачь, Джульетта, у тебя есть я!»

Феллини: — И, думаю, этого совершенно достаточно. Ты — мама, учительница, менеджер, критик. Советчик, финансист, специалист по связям с общественностью… Ты необходима мне каждую минуту! Ведь растяпа ФеФе — этот витающий в фантазиях гений, даже не знает, как сварить яйцо!

Джульетта: — Ты все умеешь. А я плохой финансист — так и не накопила на домик в пригороде. Иногда хочется посидеть на травке. Просыпаешься утром — кругом цветы в росе и щебечут птицы… Так невинно и беззаботно… Веет раем. Бедняга ФеФе, ты совершенно равнодушен к природе.

Феллини: — Зато у меня есть Рим, великолепный гардероб и фантастические автомобили, к которым я питаю порочную

страсть… Самые красивые, самые дорогие, самые экстравагантные машины. Помнишь студебеккер небесного цвета, напоминавший космический корабль? В селениях вокруг Рима местные жители снимали шляпы, когда видели его. Многие даже бухались на колени.

Джульетта: — А потом вы с Мастрояни состязались в покупке новых машин: он купил «ягуар», а ты «триумф», он тоже «триумф», а ты «порш»!

Феллини: — Больше всего я любил «альфа–ромео 1900». А как великолепны были «мерседес–пагода» и «ланча–фламиния» — эдакая каравелла! Когда я ее вел, мне казалось, что я шофер какого–нибудь министра!

Джульетта: — И все же я мечтаю о загородном доме! Когда мы бываем в гостях у твоих друзей, я тихо завидую и думаю: у нас будет еще лучше! Конечно, Альберто Сорди с его поместьем, бассейнами и фонтанами нам не переплюнуть. Но лужайка с цветами и завтрак на веранде не помешали бы, верно?

Феллини: — Глупости. Это иллюзии, насчет травки и птичек. На самом деле тебе тоже больше подходит Рим. Каждое лето, когда мы проводим отпуск в Римини, ты болеешь.

Джульетта: — Вот именно — в Римини! Там жуткий климат. Ты сам всегда болеешь! А потом еще два месяца не можешь прийти в себя… Ходишь бледный, много работаешь по ночам… Хм… Признайся честно… вопрос «Космополитена» насчет оргий не случаен? Вы сняли эпизоды патрицианских развлечений и журналюки оживились. Еще бы «Сладкая жизнь» пахнет жареным. Они это здорово чуют!

Феллини: — Жареным!? О чем ты! Скучнейшая оргия импотентов! Людей, не способных возбудиться от жизни, от ее живой крови. Утехи мумий, придумывающих идиотские развлечения и умирающих от скуки! Это паноптикум, Джульетта! От их сладкой жизни хочется блевать.

Джульетта *(снова берясь за вязание)*: — Болтают, что Линда Стейнбек неспроста крутится здесь.

Феллини:: — Линда? Остроумная голландка. Хочет написать книгу обо мне. Флиртует с Моравиа.

Джульетта: — И с тобой. Болтают, что вы устраиваете вечеринки на троих.

Феллини: — Что за чушь, Джульетта! Фу! Как ты можешь даже повторять такое! Всем известно, чего стоят киносплетни. (*обиженно*) Честное слово, ты меня иногда удивляешь…

К столику подходит молодая, красивая, экстравагантная женщина. Чмокает Джульетту и Феллини:

Джульетта: — Привет, Линда. Легка на помине.

Линда: — Забежала на минутку сказать, что вечером вы приглашены на встречу с европейской прессой. И со мной, как ее лучшим представителем, в том числе!

Джульетта: — Страшно интересно! Но мы с Федерико как раз хотели проехаться и поговорить о фильме… Ты же знаешь, он вдохновляется во время езды.

Линда: — Маэстро водит машину мистически! Полное впечатление, что она парит над землей… Твой муж факир, Джулия… Тогда до завтра. Чао, влюбленные!

Феллини: — Постой, Линда! Ужин с европейской прессой — это довольно интересно. *(жене)* Джульетта, в чем дело, ты же сама меня постоянно упрекаешь в нежелании поддерживать нужные связи!

Джульетта: — Еще как упрекаю! Обязательно поезжай на ужин с прессой! Я посижу дома. Такая путаница со студийными счетами и оплатой актеров — надо разобраться. Ты тогда сказал очень верно. Да, Федерико — у меня есть ты. И это иногда очень и даже слишком много.

Феллини: — Жаль, что ты не в настроении, милая. Ну что ж, бывает. Отдохни, расслабься. Пойдем, Линда.

Линда, *чмокая Джульетту*: — Я за ним присмотрю.

Феллини: *издали*: — Джульетта, я вернусь поздно.

Джульетта *(бормочет)*: — Кто тебе сказал, что ты вообще должен возвращаться?

(На экране КАДРЫ В ФОНТАНЕ из «Сладкой жизни», на их фоне слова Журналиста.

Журналист: — Он всегда возвращался. И она принимала его со всеми покаяниями и клятвами «никогда впредь…» Она ублажала его друзей и коллег, утверждала актеров. Ездила выбирать натуру и сопровождала мужа во всех съемочных экспедициях. Ее усилиями устраивались проблемы финансирования, отзывы прессы. Эх, чудо–женщина — Джульетта! Да она не могла быть иной — ведь у нее был Феллини! Эта глыбища, этот властитель миллионов умов XX века, великий магистр киноимперии. Ее муж, ее режиссер, ее судьба…

СНОВА высвечиваются две Кровати по краям сцены. Перекрестный диалог с присутствием **Журналиста.**

Феллини *в своей палате как бы отвечает на последнюю реплику Журналиста*: — Как можно считаться, кто для кого и что сделал в союзе двух любящих?! «Семья» — это понятие не для нас. Узко, тесно. Мы ведь не только муж и жена — это слишком просто. Не маэстро и муза — звучит слишком абстрактно и выспренно. Но и не деловые партнеры — уж очень цинично. У нас особый тип единения. Мы — единый организм. Одна кровеносная

система, одно дело, одни мысли, одна боль.

Джульетта: — Одна победа! У меня не было в «Сладкой жизни» даже эпизода. Но я была по–настоящему счастлива — огромный успех во все мире, призы, отличные сборы. Федерико не смущали даже нападки Церкви.

Феллини: — Как–то в Падуе, часа в два ночи, прогуливаясь в одиночестве, я увидел на портале какой–то церкви огромный плакат: «Помолимся за спасение души публично согрешившего Федерико Феллини». И траурная кайма по краю!

Журналист: — «Сладкая жизнь» возмутила католические круги. Как они завелись! Официальный орган Ватикана — газета «Оссерваторе романо» упрекала Феллини в слишком неприкрытом описании пороков общества и беспросветном пессимизме, греховном для католика… В воскресной проповеди уважаемый падре Кауттрокки назвал фильм «тошнотворной пакостью, чредой грязных историй, приемлемых для изложения лишь в суде и то лишь — при закрытых дверях». Представители католической церкви негодовали: требовали запретить фильм, сжечь негативы, отнять у Феллини заграничный паспорт и прочих наказаний для грешника. Знакомая, впрочем, история.

Феллини: — А, пустой звон! Я обратился за поддержкой к моему поклоннику — кардиналу и ему удалось успокоить нападавших.

Журналист: — Было признано, что критика современного католицизма в фильме сочетается с всепрощающей радостью жизни. Причем, «радость жизни преобладает даже в самых недостойных человека и общества проявлениях» Ничего себе формулировочка, а?

Феллини: — Глупости. Все это — суета сует, не имеющая ни ко мне, ни к фильму никакого отношения. Надеюсь, Богу известно, как мне ненавистно всякое морализаторство, тенденциозность. Особенно, во взаимоотношениях с Ним. Полагаю, я естественно религиозен: весь мир, вся жизнь мне кажутся сокровенной тайной. До нее я и пытаюсь докопаться изо всех своих силенок. Всегда. Что бы ни делал.

Журналист: — Про религиозность и тайну ты шепчешь наедине с собой, а на экране волочешь над Римом привязанную к вертолету статую Христа. Веревкой за шею! Как рухлядь на свалку.

Феллини: — Поклонение идолам и сокровенная вера — вещи разные. Ты просто кретин, любезнейший, если не понимаешь таких вещей. Надоел со своим подзуживанием. Честное слово, надоел до чертиков! Сейчас я позову санитаров, и они вышвырнут тебя, Папарацци! (*бросает в Журналиста подушки)*

Журналист *ловит их*: — Какая честь называться именем симпатичнейшего персонажа из «Сладкой жизни». Ладно, заключаем перемирие. Поговорим о прекрасном — о НЕЙ. Вы прожили с Джульеттой вместе без малого 50 лет. Пол века — это не шутка. Это потрясает! (*берет газету, читает*:) «Союз Мазины и Феллини — легенда о любви XX века… Федерико Феллини и Джульетта Мазина — одна из самых романтических пар нашего времени… Только у идиотов могут быть сомнения в их чувствах — они так любят друг друга…» И восторги, и трепет, и придыхание… И все–таки… Все–таки, маэстро, народ хочет знать, чем был союз ее кумиров — редким и счастливым любовным единением или взаимовыгодным деловым договором? И перестань юлить. Народ хочет знать правду.

Феллини бросает в него лампу. Свет гаснет.

Персонажи в темноте: — Хана! Полный атас. Все на боковую! А мы уже…

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ВОСЕМЬ С ПОЛОВИНОЙ

Обычно Феллини обсуждал первые замыслы будущего фильма во время поездок по определенным маршрутам по автостраде Рим — Остия и Остия — Торвайяника. Другой столь же обязательный маршрут — мост Милано, дорога Фламиния на соединении с Кассиевой дорогой. Непременно в поздне–вечерние часы. Феллини считал эти дороги чем–то вроде своего личного кабинета.

В спектакле можно дать домашнюю сцену: Джульетта и Федерико в своей Римской квартире. Никаких декоративных излишеств. Диван, кофейный столик. Перед Джульеттой стакан сока. В руках спицы. На столе разбросаны фломастеры, листки, Федерико постоянно что–то чертит, рисует, во время рассказа. Джульетта вяжет.

Федерико: — Оставь свой шарфик. Ты все время мелькаешь спицами у меня перед глазами!

Джульетта: — Это жилет для старушки Кончелии, той, что сидит у вас в будке и проверяет пропуска. Там же страшные сквозняки.

Федерико: — Оставь спицы в покое, мне надо, что бы ты внимательно слушала.

Джульетта: — Вязанье помогает мне сосредоточится. Я же не прошу, что бы ты прекратил все время что–то рисовать! (*под его гневным взглядом откладывает спицы, послушно кладет руки на стол*) — Готова, вся внимание.

Федерико: *начинает с раздражением*: — Некий не очень молодой человек, назовем его Гвидо Ансельми, приезжает на водный курорт слега подлечиться. У него не ладиться работа, он запутался с женой и любовницами. И вообще — все осточертело! Осточертело и баста!

Джульетта: — Бывает, милый. Но зато потом, словно фурункул прорывается — такой фейерверк!

Федерико: — Гвидо Ансельми слоняется по курорту и словно подводит итог: вспоминает, размышляет, фантазирует… И все постепенно складывается. Понимаешь? Складывается в единый портрет, как мозаика. Портрет человеческого существа в разных измерениях… Фильм должен раскрыть всю вселенную, которую представляет из себя человек. Рассмотреть героя со всех сторон, показать его плотскую жизнь, жизнь чувств, мечтаний, воспоминаний, предчувствий. Показать так, что бы из

хаотического, противоречивого, путанного возникло бы человеческое существо во всей своей сложности.

Джульетта: — Вы же все основательно продумали и обговорили с Тулио Пинелли, Бруннело Ронди и Энио Флайяно. Сценарий сложился. Но я же вижу: тебя что–то мучает, что–то мешает. В чем дело, ФеФе?

Федерико: — Мои соавторы отлично меня понимают и чувствуют фильм. Иногда мне кажется, что можно приступать к работе. Порой даже появляется такое ощущение, что фильм готов, даже снят. Быть может, потому, что это мои личные воспоминания. Мои фантазии… Все лично мое… А иногда все от меня ускользает. Запутывается, кажется никому ненужным, как и вся моя жизнь. И главное, я никак не пойму — кто он — мой герой?

Джульетта (*смотрит его зарисовки*): — Великолепные физиономии! Это, вероятно, иллюзионист. А вот и Епископ! А эта тяжеловеска… Сарагина? Ну, тогда Толстуха. Конечно же — Толстуха. На маленьком курорте Гвидо встречает разных людей. И, разумеется, туда же приезжает его постоянная Любовница.

Федерико: — Если ты намекаешь на мои отношения с Сарой…Боже, как ты ошибаешься! Клянусь памятью моей матери! Причем здесь любовница? Ты ж знаешь, меня, как художника, притягивают экзотические типажи. Яркая, жгучая самка, почти животное и при этом — такая милая наивность. В сущности, она дитя…

Джульетта: — Ты рассказывал, как увидал ее в кафе и сам подсел к ней.

Федерико: — Разумеется сам! Я всегда ищу необычных персонажей.

Джульетта (*смеется сквозь слезы*) — Как тогда, в 43 ты искал меня. (*Пожимает его руку)* — Ладно, ладно, просто я люблю пустить слезу. Особенно, когда вспоминаю молодость. Я была так странно счастлива и так несчастна. Ты почти сразу стал заводить интрижки с девицами, приходившими к нам на вечеринки. Ночи просиживал в редакции или монтажной. Успевал при этом «отметиться» со всеми куколками. И тут же все мне выкладывал: выковывал из меня друга, доверенное лицо.

Федерико: — Жену. Умную, верную, преданную. Именно потому, что знал наверняка — это все проходные эпизоды, игра гормонов. Спутницей всей моей жизни, моей судьбой можешь быть только ты, Джульетта.

Джульетта: — Знаю, милый. Мне страшно повезло. Ой, как же мне повезло… Ладно, рассказывай о своем Гвидо…

Федерико: — Представь…Курорт. Гвидо с женой сидят за

столиком кафе. Она накануне приехала к нему в это местечко и поняла, что напрасно — там уже прогуливалась Любовница. У Гвидо и его жены натянутое выражение лица, говорят они вполголоса, чувствуется, что через силу, напряжение нарастает. Маленький оркестрик играет вальс…

Далее идет сцена, почти полностью повторяющая эпизод сценария «8,5», но вместо Гвидо и его жены Луизы сценку разыгрывают сам Феллини и Джульета. Любовница Карла предстает в образе подлинной многолетней любовницы Феллини — Толстухи.)

За столиком курортного кафе Федерико и Джульетта, Вдалеке сидит Толстуха в экстравагантном костюме. Она улавливает тон разговора Ф и Д, но лишь слегка обеспокоена им. С аппетитом невозмутимо поглощает огромную порцию мороженного, упрямо уставившись в другую сторону. Ремарки и частично текст из сценария фильма.

Федерико (Гвидо): — Ну, так скажи мне раз и навсегда, что я должен делать, что бы ты жила спокойно? Каким я должен быть, по твоему мнению, скажи мне?

Джульетта (Луиза): — Человеком, который понапрасну не клянется десять раз на день, каждую минуту. Хватило бы одного этого. Но от тебя никогда не услышишь слова правды, ни одного–единственного раза. Даже в мелочах, когда тебе ничего не стоило бы сказать правду. Но ты лжешь, как дышишь, ты врешь даже тогда, когда говоришь правду.

Федерико: — Да я даже не знал, что она здесь. Клянусь тебе, что я увидел ее только сейчас… Здесь полно народу. Почему бы не прийти и ей? Разве я могу ей запретить? При чем тут я?

Джульетта: — Нет, вы только поглядите на нее… Ты мне клялся памятью своей матери, что между вами все кончено… Нет, вы только поглядите на нее, на эту шлюху, она снова тут как тут, я ее встретила сразу же как только сошла с поезда. Зачем же ты тогда звонил мне, что бы я приехала?

Федерико: — Я не знал, что здесь она. Я не знал, понимаешь? Я не буду клясться, ты ведь все равно считаешь, что мои клятвы всегда лживы, но повторяю: я не знал. Ну что плохого в том, что эта несчастная сидит вон там? Чем она тебе мешает, эта несчастная?

У Джульетты перехватывает горло от тоски и отчаяния.

Джульетта: — Вот именно это и сводит меня с ума. Ты говоришь так, будто говоришь правду, как честный человек, а на самом деле я прекрасно знаю, что ты лжешь, что ты нечестен. Честность для тебя пустой звук, словно на свете нет честных людей.

Федерико *смотрит то на жену, то на любовницу, так, что перестает понимать смысл слов Джульетты. Только звук оркестра. Но вот поведение Джульетты резко меняется — она улыбается приветливо и доброжелательно.*

Джульетта: — Разве ты не видишь, что она, бедняжка, сидит одна–одинешенька? Почему ты не пригласишь ее за наш столик? (*она машет Любовнице, приглашая ее пересесть к ним. Толстуха встает, делает несколько шагов, потом возвращается за своим мороженным и с ним подходит к столику Феллини.)*

Джульетта *встает и радостно, приветливо говорит*:

— Идите сюда… Присаживайтесь… Как поживаете, синьора? Вы тоже приехали полечиться?

Любовница: — Ах, нет… Я приехала потому, что здесь он… Я тут уже целую неделю. А вы как поживаете? Вы прекрасно выглядите… Вы ведь приехали вчера вечером? Ну да, мне же это сказал ваш муж… Он всегда мне так много о вас рассказывает…

Джульетта: — Правда, здесь очень мило? Вам здесь нравится, синьора?

Любовница: — Знаете, что я вам скажу? В сущности, это не такое уж шикарное место, как я думала. Я захватила с собой кое–какие туалеты, но оказалось… что это тут ни к чему.

Джульетта: — Но ваш костюм из плотного шелка очень эффектен.

Любовница: — Ах, не говорите! Я увидела нечто подобное в «Воге». Сколько мне пришлось побегать, пока я нашла эту ткань! Я была просто в отчаянии… Но знаете, уж если я что–то вобью себе в голову…

ЗАТЕМНЕНИЕ. **Снова Джульетта и Федерико у себя в гостиной фильм обсуждают эпизод**.

Джульетта: — Довольно правдоподобно выходит. Но когда взглянешь со стороны, что–то совсем не весело. Ты здорово изобразил меня.

Федерико: — И как тебе такое могло прийти в голову! Это же вымысел, гипербола!

Джульетта *сморкается и снова берется за спицы*: — Хорошо хоть, что она не плакса и не мелькает спицами, эта жена Гвидо.

Федерико: — Клянусь — ты здесь ни при чем!.. Ну что еще я могу тебе сказать, Джульетта?

Джульетта: — Ладно, не начинай все сначала. Этот сюжет мы уже отыграли… И как ты его назовешь? Твой новый фильм?

Федерико: — Понятия не имею! Пока во всех документах и сметах фигурирует условное обозначение.

Джульетта: — «Восемь с половиной». Ты снял семь самостоятельных лент и соавторствовал с Росселини. В самом

деле — это восьмой.

Федерико: — С половиной. Ты же любишь точность, Джульетта.

Джульетта: — А ты пока блуждаешь в растерянности. Я бы сказала — в интересной растерянности. О беременных женщинах в галантные временам говорили: «дама в интересном положении». Значит, скоро рожать.

Федерико: — Верно, верно! Совсем как я! То тошнит, то кислого хочется. И такое сумасшедшее беспокойство, не поверишь. Иногда отдельные эпизоды вспыхивают так ярко… А порой мне кажется, что я окончательно запутался, что фильм ускользает от меня. И самое противное — Гвидо! Я никак не могу понять — кто он? Так можно с ума сойти!.. Слушай, может мне взяться за что–нибудь другое… Тонино Гуэрра предлагает…

Джульетта: — Нет, Федерико, нет! Это будет твой самый личный фильм. И вот что я тебе скажу: я знаю, **кто** этот загадочно ускользающий от тебя Гвидо! Я знаю, кто твой герой.

Федерико: — Писатель или журналист…

Джульетта: — Холодно, холодно! Боже, милый, это же совершенно очевидно! Это ты, Федерико. Ты!

Федерико: — Прекрасная идея, Джульетта! Вывернуть себя наизнанку и выпустить фильм под названием «Стриптиз Феллини». Вот уж все повеселятся…Спасибо, милая.

Джульетта: — Ты же обожаешь копаться в себе. И после «Сладкой жизни» никому не оставил иллюзий — по части глубинного самоанализа Феллини первый. Его девиз: — «Все на продажу!»

Федерико: — У тебя такой тон, словно я вышел на площадь Святого Петра с голым задом. И этим занятием сорвал аплодисменты толпы.

Джульетта: — Нравится мне или нет, приходится признать: никто не умеет быть столь правдивым в вопросах «высшего уровня», как сочинитель небылиц Феллини. Это не стриптиз — это уж скорее — исповедь.

Федерико: — А почему бы и нет? Я же не простой обыватель. Маэстро Феллини — творец! Разве не интересно взглянуть — каково оно приходится творцу? Каково ему рожать шедевры, творить в страданиях и восторгах?

Джульетта: — Страшно интересно. Но интересно не только смотреть. Самое интересное для тебя такой фильм сделать. Ты наполнишь его личными воспоминаниями, метаниями, фантазиями. Между прочим, отлично пойдет твой сон, тот, с женщинами. Это и будет гарем Гвидо. Твоя тайная мечта, Феллини!

Федерико *вдруг загорается*: — А знаешь… Знаешь, в этом что–то есть… Конечно же! Гвидо — режиссер. Режиссер, который задумал поставить фильм, а какой — позабыл. Отсюда эта идиотская декорация космодрома и полная растерянность, желание сбежать, спрятаться… Мой фильм будет историей режиссера, забывшего, что за фильм он хотел поставить! (*поднимает и кружит Джульетту, запутывая нитки)*: — Теперь все заживет. Завертится… Думаешь, гарем стоит оставить?

Джульетта: — Чего уж там — не стесняйся. (*мотает клубок, ползая у мебели*) Собери в воображаемый гарем всех своих пассий, никого не обидь. Черт с ними! Только одно условие — главная женой все же буду я.

Федерико: — Так в этом же вся суть! Суть моих…тьфу. Его — Гвидо метаний: есть множество притягательных мелочей и есть Главная. Самая важная и необходимая. Как воздух, Джульетта. Мы не замечаем, как дышим, а без него… Без него мы задыхаемся.

СНОВА по сторонам сцены палаты в больницах Римини и Рима. Феллини и Джульетта в кроватях.

Журналист *обращается к Феллини*: — Разве ты знаешь, что такое задыхаться!? Разве знаешь, что такое жить без Джульетты? Жертвовать своими интересами, планами? Ты заказывал свои знаменитые красные шарфы в дорогих ателье. Тебя мало интересовало, что у Мазины, в отличии от других кинозвезд, нет меховых манто и россыпи брильянтов. Тебе нравилось жить в центре Рима, хотя итальянцы с достатком или с твоей популярностью предпочитают жить в пригородах. А что она? Она улыбалась, экономила, сопровождала тебя на съемки, оплачивая билеты и гостиницы из своего кошелька, проводила лето на родине мужа — здесь, в Римине, а не на загородной вилле, на которую вы так и не накопили. А как она научилась тебе подыгрывать, сочинитель!

РЕСТОРАН, *или столик в кафе студии. Группа друзей во главе с Феллини и Мазиной.*

Федерико: — Но путешествие по Австралии — это, скажу вам, нечто из ряда вон. Очень рекомендую всем. Непередаваемые впечатления. Помнишь, Джульетта, кингурята собрались возле тебя и выпрашивали конфеты. А сумчатые лисицы с молодняком в «багажнике»! Они бежали за нами и тявкали, как собаки, пока я ни отдал свой бутерброд с ветчиной самой пронырливой.

Джульетта: — Какое наслаждение — артишоки! Феллини запал на артишоки. Заказывал только их. Теперь не знаю, что делать. Пытаюсь сотворить по кулинарной книге нечто похожее… Но так, как готовят их там: жгучий перец, сливки и сырые

желтки…Увы, я пасс, я не волшебница.

(СВЕТ НА ЭПИЗОДЕ РЕСТОРАНА ГАСНЕТ)

Журналист: — Они никогда не были в Австралии. Джульетта с лету врубилась в очередной экспромт мужа, сочинив рецепт артишоков. Она вообще здорово умела подыграть в нужный момент в нелегком спектакле их жизни. Я бы даже сказал… Я бы сказал так: жертвы Джульетты, приносимые ее кумиру, были точными пассами в их общей игре. Вдумайтесь: эта великая, да великая актриса, отказывала другим режиссерам! Она снялась всего в четырех его фильмах! За пятьдесят лет… Боже, как представлю, хочется плакать… Маэстро, вас не мучит сознание упущенной возможности?

Федерико: — Можно подумать, что все это время Джульетта скучала! Вы же сами, юноша, обвиняли меня, что тяготы творческого процесса ложились на ее хрупкие плечи. Да, она во всем помогала мне. Помогала с интересом и радостью! А в 1965 я сделал фильм, посвященный Джульетте… О ней, для нее… Джульетта хотела создать образ противоположный сыгранным ею ролям — бедняжкам Джельсомине, Кабирии. И она с этим справилась!

«ДЖУЛЬЕТТА И ДУХИ» ЭПИЗОД на студии. ***Художник показывает Феллини и Джульетте макет афиши фильма «Джульетта и духи»***

Федерико: — Ну что у не за поза, Берт! Голова опущена, во всей фигуре уныние и подавленность. Чего это вдруг? Джульетта — это тебе не Кабирия. Это женщина, обретающая интерес к жизни после небольшой хирургической операции. Операции по удалению призраков. Это не жертва, это человек, вступающий в реальную жизнь. Она освободилась и, наконец–то, трезво смотрит на вещи. А что ты этим своим «надгробием» хочешь сказать? Афиша решительно противоречит тому, что я был намерен сказать.

Художник Берт: — Это совершенно точное отражение того, что вы сделали в своем фильме, маэстро.

Федерико: *тычет пальцем в фигурку на афише:* — Такого я не делал! Но если ты увидел все так — это твоя проблема, слепой художник.

Джульетта: — Федерико, но ведь восприятия фильма может быть разным… И потом…Афиша вовсе не так плоха. Эффектно выглядит название…Наши имена набраны крупным шрифтом.

Федерико: — Афиша не подходит.

Он кладет на афишу лист белой бумаги, полностью скрыв

рисунок.

— Прекрасно! Теперь — то, что надо. Я предпочитаю этот вариант.

Джульетта: — Но… Фигура героини выражает так много… Без нее как–то пусто…

Федерико: — Все, что надо, ты выразила в фильме. (х*удожнику*): — Чао, Берт. Утверждаю последний вариант. С листком. (*подталкивая Джульетту, уходят)*

СНОВА КРОВАТИ В БОЛЬНИЦАХ

Журналист *к Феллини*: — А ты жалуешься, что с возрастом Джульетта стала сварливой. (*Джульетте*) Какое смирение, синьора Мазина!

Джульетта: — Сцену я ему закатила дома! Такое бывало. Редко, но случалось. Да, я весьма терпелива, но нельзя же потакать всем капризам! Тем более, уж поверьте мне, многое он делает на зло мне. Так, по мелочам. Что бы доказать: прав всегда только он — Божественный.

Федерико: — Но ведь я и в самом деле всегда прав!..Почти всегда. Главная победа Джульетты в этом фильме — ее освобождение от прежних героинь.

Джульетта: — Это верно. Мне стоило большого труда, отделаться от Джельсомины и Кабирии. Я сумела стать другой, но как же это было не просто! Помог стиль «либерти», выбранный Феллини для фильма.

Фигуры «либерти» дефилируют, демонстрируя наряды.

Федерико: — Этот стиль, называемый чаще «модерном», с детства наводил на меня ужас. В его агрессивной декоративности гипербола чувственной пресыщенности и некое предчувствие катастрофы. (*Журналисту*) Ты ж не станешь с этим спорить, всезнайка?

Журналист: — Не стану, но именно чувственность «модерна» меня притягивает. Альберто Моравиа высказался брутальней: ««Либерти» — это изобразительный кошмар, в котором бессознательно выражаются дегенеративные тенденции сексуального характера, развившиеся среди буржуазии в предчувствии катастрофы 1914 года» Видимо, я не чужд дегенеративных тенденций. И сексуальности.

Федерико: — «Либерти» всегда сексуален! «Джульетта и духи» — мой первый полнометражный цветной фильм! Я буквально заболел цветом. Фильм основан на сновидениях, уводящих в мир чувственных искушений, которые одолевают Джульетту. Фантазийная, декоративная эротика…

Журналист: — Дом подружки героини Сузи — экзотический бордель, где господствует культ фаллоса и секса. Ты выдаешь все

это за сны неудовлетворенной женщины. Но ведь это твои фантазии, маэстро. Твоя манера смешивать сладость и порок. Декорировать пропасть дурманящим букетом.

Федерико: — Дело не в пороке и фаллосе, милый мой. Дело в освобождении. От его тирании в частности. Вообще же, этот фильм — выход в иную реальность, в которую мы проникли вместе. Я и Джульетта. Джульетта — идеальная исполнительница. Самый надежный гид в этом неясном, облачном пейзаже.

Журналист: — «Неясный, облачный пейзаж»! Отлично отвертелся. А скажи мне прямо: разве Джульетта из твоего фильма, тоскующая, потерянная и, наконец, освободившаяся от призраков и от безумной привязанности к мужу, не имеет никакого отношения к реальности? К твоей семейной жизни?

Федерико: *взбесившись*: — Вот таких плоскомозгих и любопытствующих я ненавижу больше всего! Так и лезут с вопросами, что и почему я изобразил в своем фильме. *То, что вы увидели, то я и хотел показать. Все, глубокомыслящие господа. Все!*

Журналист *зрителям*: — Известно, если хочешь разозлить Феллини, задай ему вопрос о смысле той или иной сцены. Но согласитесь, фильм о надломленной женщине по имени Джульетта, о распавшейся семье не может не натолкнуть на подозрения в его автобиографичности… Вам не показалось, синьора Мазина, что вы местами рассказывали о себе?

Джульетта: — О себе? Не более чем в других ролях. Как всегда, у Феллини все намного сложнее и не требует расшифровки, конкретизации. Скорее даже, Джульетта — это не я, а он сам — зашоренный комплексами католического воспитания, испытывающий постоянную тягу к мистической тайне бытия. Тайне секса в том числе.

Журналист: — Тайне секса, скорее.

Джульетта: Тайне секса в том числе.

Журналист: — Выходит, счастливый финал с благополучно разошедшимися супругами не отражает потаенной мечты маэстро?

Джульетта: — Напротив. В этом фильме мы были особенно близки. Мое лицо словно заворожило Феллини. Никогда я не видела фильма с таким обилием крупных планов одного персонажа. Как он бушевал, выжимая из меня нужное выражение! Но, в конце концов, я поняла — его беснования вокруг моей героини — своеобразное объяснение в любви. Да, да — в любви!

Журналист: — Альберто Моравиа был потрясен портретами Джульетты в фильме «Джульетта и духи». (*читает)*. «Лицо Джульетты, меняющее выражение с такими тонкими нюансами,

никогда не форсированными и едва заметными оттенками — это наиболее оригинальное достижение фильма. Между героиней и режиссером ощущается особая симпатия, даже любовь единственная в своем роде. И это самое сильное в фильме».

(Кадры из фильма — крупные планы Джльетты, персонажи — либерти)

Журналист: — Потом были «Сатирикон», «Клоуны», «Рим», «Амаркорд», «Казанова», «Город женщин», «Корабль плывет»… Призы за лучшую режиссуру, лучший сценарий. А как же Мазина, «Чаплин в юбке», обожаемая актриса Италии? Двадцать лет Джульетта не снималась. Двадцать лет! Она старела. У нее портился характер. Она стала больше бояться за него, чаще обижаться за себя. Она устала не быть актрисой.

Федерико: — Но ведь я сделал «Джинджер и Фред»!

Журналист: — Джинджер — героине Джульетты за 60 лет — реальный возраст актрисы. Тебе не кажется, что ты многое упустил, не снимая ее так долго?

Джульетта: — Федерико вовсе не виноват, что реализация его фильма затянулась. И «Казанову» и «Сатирикон» он делал как уступку продюсерам, что бы получить средства для своего фильма. С «Джинджер и Фред» все складывалось не лучшим образом. Когда Федерико с Тонино Гуэрра написали сценарий, начались поиски продюсера. Не самые успешные.

Федерико: — Если мне скажут, что в аду нет продюсеров, я не пойму, отчего его так бояться.

СЦЕНА в КАБИНЕТЕ Феллини в Ченичитта. ФЕЛЛИНИ И ПРПОДЮСЕР

Федерико: *и продюсер Марконе за столиком пьют кофе с коньяком. Джульетта грызет печенье.*

Федерико: — Знаменательный день, Марконе? Понадобились три месяца предварительных переговоров, что бы ты отважился заключить со мной контракт! Если бы ни моя верность тебе… Можно было бы уже снять три фильма. Ну что, старина, выпьем за «Джинджер и Фреда»!

Марконе *вскакивает, сжимает руки Феллини:* — Никогда не покидай меня, слышишь, ФеФе, ибо ты наполняешь мою жизнь смыслом. Будь всегда рядом, здесь, (*прижимает руки к груди*) неотступно как Дух Святой! — (*хочет поцеловать руку Феллини)*

Джульетта: — Боже, наконец–то я буду сниматься!

Марконе: — Еще бы, синьора Мазина! Вы отдыхали от экрана пару десятилетий. Зато этот фильм о Джинджер — настоящая бомба! Чертовски эффектно и трогательно. Да он потрясет мир!

Вечер того же дня. Федерико и Джульетта в гостиной своей квартиры. *Джульетта накрывает празднично стол, зажигает свечи. Из кухни доносится грохот посуды, вопль. Появляется Феллини, зажимая руку салфеткой.*

Федерико: — Что это было, там у тебя в духовке? Оно просто набросилось на меня!

Джульетта *(в недоумении)*: — Твое любимое ризотто. Помидоры, пармезан, маццарелла… Совершенно не агрессивное блюдо… (*хочет пойти на кухню, Федерико ее останавливает)*

Федерико: — Умоляю! Не ходи туда. Не сейчас. Сейчас будем праздновать.

Джульетта: — Объясни мне, как это может быть? У тебя прекрасные руки — ты рисуешь, лепишь, на съемочной площадке стараешься все делать сам — развешиваешь картины, возишься с париками… Но на кухне становишься сущим несчастьем, персонажем из старой комедии — разбитые тарелки, падения, ранения, ожоги. Пойми хотя бы, что горящая духовка — это опасно! Что ты не клоун и тебе не двадцать лет! Слава Богу, что ты еще во время сумел отказаться от вождения машины.

Федерико: — Да, отказался! Но не потому, что это опасно. Просто мне до смерти надоела машина — слишком много нарушений, штрафов, запрещенных мест. Стоянки слишком далеко, гараж черт знает где. А главное — слишком много взглядов, полных ненависти, взглядов убийц, безумцев из других машин, с которыми иногда приходится поравняться на улицах города. Такси устраивает меня идеально… И даже ворчливая жена. Меня вообще все чертовски нравится, когда подписан контракт с продюссером. Ты вдумайся хорошенько: у нас есть деньги на фильм, Джульетта!

Джульетта: — Хотелось отметить это событие с особой торжественностью. Правда, приятный запах из кухни? Я положила в приправу много трав… Ладно, обойдемся без ризотто. Так оно даже сильнее пахнет. Спасибо за удачную помощь, ФеФе.

Федерико (*протягивая обожженную руку*): — Милая, перестань дуться, мне больно. Полечи меня. Смотри, какая жуткая водянка!

Джульетта (*посмотрев его руку*): — Правая! Бедный мой художник. Ты загубил ризотто, но оно успело–таки куснуть. Погоди, я поищу мазь от ожога, не шевели рукой. Святая Мария, помоги ему.

Джульетта уходит, ***Феллини*** *быстро звонит в ресторан:* — Это синьор Феллини. Приветствую тебя, Пиппо. Пришли мне срочно две порции самого лучшего ризотто и цветы. Ай, не знаю какие! Какие–нибудь. Только побольше!

Возвращается Джульетта, осторожно обрабатывает ожог.

Джульетта: — Теперь будет полегче, в мази ментол и анастезин. Тем более, если закусить мороженым. Я запаслась ореховым. Угадай, что еще есть? Черешня! Так я несу мороженое? С орехами и с черешней. Налей пока вина. Выпьем за Марконе! Только бы он не захворал, наш милый, честный продюсерчик! *(уходит на кухню)*

Звонок в дверь. Феллини открывает. Вносит коробку с ризотто, ставит на стол, ставит у места Джульетты корзину фиалок.

Телефонный звонок.

Голос в трубке: — Это Марконе.

Федерико: — Что случилось, Марио? У тебя похоронный голос.

Голос в трубке: — Слушай, старина, все отлично… Но видишь ли — мне вовсе не светит помирать во цвете лет. А твой фильм для меня настоящее самоубийство. Так что пусть Святой Дух остается с тобой, а я отправлюсь рисковать жизнью на сафари…

Возвращается Джульетта с подносом, на котором вазочки с мороженым и черешней. Видит коробку, цветы и ошеломленное выражение лица мужа)

Джульетта: — Что здесь произошло?

Федерико: — У меня две новости — хорошая и не очень.

Джульетта: — Господи — сразу две за пять минут! Я ведь только успела протереть пол на кухне и разложить мороженое в вазочки…

Федерико: — Это ризотто и цветы… от Марконе. И второе (*смотрит на часы):* — Наш подписанный контракт прожил всего 16 часов.

Джульетта: — Марконе заболел?

Федерико: — Он уже на сафари. Будем надеяться, что его не сожрет тигр.

Джульетта: — **Не** сожрет? Ах, разумеется, ты прав. Тигр отравится. Жалко животное.

Феллини *обнимает Джульетту здоровой рукой и подносит к ее лицу фиалки*: — Ты же все время мечтаешь о цветочках.

Джульетта: — Только о тебе и нашем фильме.

Федерико: — Фильм издыхает… И какой идиот придумал, что посуда бьется к счастью!

Джульетта: — Банкет не отменяется! Кто–то говорил, помнится, что настоящая жизнь, это ярмарочный балаган с фейерверками, ряжеными, феями, небылицами и сладко–безумной музыкой … У нас что — не настоящая!?

(Проходит оркестрик из «Восемь с половиной).

Джульетта кричит: — Нам весело, нам страшно весело! Мы совершенно невероятно счастливы!

(СВЕТ НА ЭПИЗОДЕ В ГОСТИНОЙ ФЕЛЛИНИ ГАСНЕТ)

Журналист: — Съемки фильма затормозились, а суета вокруг него нарастала.

Следует ряд быстрых жанровых зарисовок. Снова в кабинете Чинечитта. *Федерико куда–то тщетно названивает. Врывается продюссер Н.*

Н: — Федерико! Мама миа! Я слышал, как лажанулся Марконе. Отказаться от такого материала! Твой фильм сделаю я! Мне нужен цветок в петлице. Давай, давай скорее твои наброски. Горю нетерпением прочитать сценарий.

Федерико *дает Н. тощую папку*: — Написано, собственно, не много. Я и Тонино Гуэрра изложили самую суть. Все дело в эффектных сценах телешоу и подготовки к нем. Закулисье телеабсурда. Знаешь — этот сумасшедший, ослепляющий нелепостью мир телевидения. Все из ряда вон выходящее, чудовищное, бредовое, нечеловеческое ТВ преподносит зрителям, как вполне очевидную повседневную реальность — нормальную, понятную, привычную. И наоборот — все банальное, ничтожное, обыденное — телевидение подает торжественно: с фанфарами, хореографией, юпитерами. Такое огромное разбитое зеркало, в каждом осколке которого отражается изуродованная реальность — кривляющаяся, лгущая, гипнотизирующая…

Н: — Гениально! Да это же классно, это потрясающе — показать адскую кухню массового гипноза! И на ее фоне — малышка Мазина, трепетная, хрупкая, настоящая! Умираю от нетерпения. Можно почитать прямо в соседней комнате? (*Уходит с тощей папкой сценария)*

Феллини *звонит Джульетте*: — Милая, кажется, он согласен. Николетти. Хочет работать только нами. И без ума от тебя. Скрести пальцы, Джульетта!

В кабинет заходит Николетти, небрежно кладет на стол папку. Он разочарован и даже слегка обижен.

Н: — Что ты мне подсунул? Но это же не серьезно! И это совсем не Феллини! Несколько страниц — пустяк какой–то. Я хотел сделать выдающийся фильм! Восемь миллионов долларов. Даже десять! А у тебя что? Жалкий полуфабрикат — тяп–ляп и готово. Какой уж там цветок в петлице…

ЗАТЕМНЕНИЕ. *В этом же кабинете Федерико, Джульетта и только что вернувшийся из Индии Бруннело Ронди — кинорежиссер, сценарист, киновед, ближайший сотрудник, при участии которого созданы все его важнейшие фильмы.*

Б. Р. *разворачивает бумажный пакет, достает фигурку Шивы, устанавливает на полку*: — Шива — большой авторитет у буддистов и индуистов! Пусть всегда стоит у тебя перед глазами. Шесть рук — это, знаешь, совсем не помешало бы каждому из нас. Решило бы многие проблемы. Пардон, Джу, я имел в виду процесс приема пищи и творческих отправлений. Индия — я вам скажу, что–то особенное. Сплошной балдеж! Представьте: в глухой деревушке на юге я видел факира, который одной лишь силой взгляда может лишать девушек невинности! Мало того! От его взгляда они еще и беременеют. (*Джульетта и Феллини переглядываются*) Я сам видел — вокруг его халупы бродят такие пузатые телки. Почему бы тебе не вставить его в фильм?

Федерико: — У меня уже есть твоя идея для шоу на телестудии — показать индианку — этакую статуэтку из древнеиндийского храма, которая так владеет телом, что способна удовлетворить одновременно восемь мужчин. (*провакационно)* Мне нравится, а Джульетте не очень.

Джульетта: — Брунни, ты был соавтором лучших фильмов ФеФе. А сейчас предпочел путешествия, уступив место у руля Тонино. И, кажется, не очень–то разобрался в сути. «Джинжер и Фред» — фильм скорее лирический… Не будет ли… слишком гротескна эта индийская чушь? У наших постаревших влюбленных такие тонкие отношения. От этого безумного телешоу и так слегка крыша едет…

Б. Р.: — Крыша едет — и отлично! Милая! Трагифарс — стихия ФеФе. Да и твоя, детка. Вам надо подманить зрителя яркой блесной. Что бы они поймались на вашего облезлого Пиппо и далеко не юную, извини, Джульетта, героиню. Ладно, друзья, меня ждут в киноклубе.(*подмигивает)* Ты как всегда пропускаешь?

Федерико: *обреченно*: — У меня встреча с очередным продюсером.

Б. Р: — Непременно расскажи ему про индианку. Эти пройдохи любят горяченькое. Чао, Федерико, целую, Джульетта! (*уходит)*

Секретарь **Фьяметта** докладывает: — Синьор Жан Бриссар. Продюсер студии Гомон.

Заходит продюсер Б. — молодой, худой, нервный, похожий на индейца. Говорит, держа в зубах дужку очков, при каждом слове они дергаются, слепя бликами.

Федерико, *стараясь вдохновиться*: — Это фильм о встрече на телешоу двух уже далеко немолодых людей. Некогда они были чрезвычайно популярны, копируя номер знаменитых американских чечеточников Джинджер и Фреда Астора. Жизнь

пройдена, и это выступление — последняя возможность вспомнить былое. Вспомнить старое кино… Но… наверно, его лучше не вспоминать…. *(устало*). Собственно, вы ознакомились с наметками сюжета. Видите ли, в моем случае полноценный сценарий появляется в самом конце, нередко после завершения монтажа. Основные поиски и находки происходят в процессе съемок.

Б: — Идея фильма мне очень нравится… Но, в самом деле, принцип работы без сценария несколько рискован. Для продюсера — это кот в мешке. Поэтому я ставлю одно условие — должна быть раскадровка: все расписано подробно и точно — кадр за кадром. После чего, дорогой Феллини, я заплачу вам вдвое больше чем кто–либо.

Затемнение. Снова в кабинете Феллини. *Здесь так же Джульетта и Секретарша Фьяметта.*

Фьяметта: — Кошмарный день, синьора Джульетта. Этот французский петух Бриссар потребовал у маэсто раскадровку!

Федерико: — Раскадровку — у меня! А, как тебе это нравится? У режиссера, работающего на сплошной импровизации! На сиюминутном вдохновении, внезапных находках. Он требует пропись начинающего дебила из киношколы!

Джульетта: — Ну и черт с ним. У нас в запасе Дино! Дино де Лаурентис финансировал «Дорогу» и «Ночи Кабирии». У него крепкие связи с американским капиталом, думаю, что и его фильм–колосс «Странствия Одиссея» принес немалый доход.

Федерико: — Я уже говорил с ним.

Джульетта: — Почему же ты молчишь!? Что, что сказал Дино?

Федерико: — Дино был краток: «- И зачем ты только тратишь время на всякое дерьмо?»

Журналист: — По–моему, надо иметь железные нервы. Сплошные обломы и это, когда тебя распирает от растущего замысла, идей, находок, когда запущена машина подготовки к съемкам фильма. Сумасшедшая машина, между прочим.

(Серия зарисовок, возможно, лишняя)

Кабинет студии. Джульетта, Фьяметта.

Фьяметта: — Можно впускать? (*объясняет Джульетте*) Съемки начнутся неизвестно когда — все застопорилось — ни с места. Несколько дней назад мы поместил в газете объявление насчет двойников, которые, по сценарию должны принять участие в телешоу «И вот с вами…» Там такая толпа! Кроме того, пришли мешки писем с фото. В основном, почему–то — толстухи. (*дает стопку фото*) Слонихи, бегемотихи, некоторые даже в бикини, а

вот эта милашка кутается в рыбачью сеть…

Джульетта: (*сдержав раздражение, откладывая фото*): — Впускай двойников. Только не слишком много.

Заходят шестеро мужчин.

Джульетта, *обращается к первому*: — Вы чей двойник?

1: — Не знаю. Как–то не думал об этом. Но должен же быть в мире человек, похожий на меня!

Джульетта, *обращается ко второму*: — А вы, синьор?

2: — Я двойник Гарибальди. Маэстро велел мне подождать, но, знаете ли, борода растет… в общем, маэстро сказал, что бы я ее не подстригал, потому что я ему подхожу, он сам сказал но (*тут голос понижается*) некоторые начинают ворчать…

Фьметта: — Кто же это там у вас ворчит?

2: — Понимаете, я снимаю комнату. Я, знаете, не из Рима, живу в Реджо, но маэстро сказал, что бы не подстригал бороды, а они тут все морду воротят, ворчат, говорят, что я на дикаря похож. Так что ж мне делать? Не будите ли вы так любезны напомнить Феллини: Гарибальди, мол, ждет, а то борода… Не знаю, подойдет ли маэстро такой длинны, в общем, подстригать я ее не решаюсь.

Джульетта *обращается к третьему*: — На кого вы похожи?

3: — Вообще–то я похож на Нино Манфреди. Сверху не видно, но, что касается некоторых интимных деталей, то тут я, что твоя бронзовая статуя из Риаче.

Джульетта *обращается к четвертому*: — А вы на кого похожи?

4. — На маму. На кого ж еще?…

Джульетта *обращается к пятому*: — Чей вы двойник?

5: — Я из Кастелломе. Все говорят, что лицо у меня точь в точь как у двойника.

Фьяметта *последнему*: — А вы кто?

6: — Я Рейган. (*очень уверенно*)

Фьяметта: — По правде я бы этого не сказала.

6: — Да вы шутите, синьора! Знаете, что мне все говорят? «Эй, Рейган, пошел–ка ты…»

Джульетта: — Хватит, хватит! Спасибо, синьоры. (*Фьяметта выпроваживает Двойников*) Мы уже подобрали Пруста, Кафку двух Лючо Далла — популярного певца, финансового воротилу–аферист а и мафиози. А так же — королеву Елизавету.

Фьяметта: — Которая с грехом пополам исполняет (со скипетром и короной) британский гимн. Теперь нас уже не остановить!

СЪЕМОЧНЫЙ ПАВИЛЬОН шоу «Джинджер и Фред» Массовка: актеры подлинные и мнимые, продавцы брюк и

воздушных шаров, проходимцы, бывшие каторжники с татуировкой, аккордионисты, изобретатели, маньяки, влюбленные гермафродиты, бродяги, человек–обезьяна, человек–паук, укротитель с питоном, американские студенты, старые велосипедисты.

Феллини, *объявляет коллективу*: — Удалось выбить тройное спонсирование. Итальянцы, французы, плюс ТВ потянут нашу телегу, нагруженную петардами. Скоро приступаем! (*Джульетте*) А как дела у вас с Марчелло?

Джульетта: — Можем выступать на эстраде. Профессиональные чечеточники (*делает несколько па)* — Каких–нибудь пару месяцев тренировок и новая профессия в кармане.

Федерико: — И твое сломанное ребро. Тебе не кажется, что вы перестарались?

Джульетта: — Сам увидишь.

ЭПИЗОД танца. Репетиция. *Феллини дает указание Джульетте и Мастрояни*

Федерико: — Марчелло, Джульетта! Вам же за шестьдесят, а вы стараетесь сплясать, словно выпускники хореографической школы. У Марчелло едва прикрыта плешь, у тебя одышка.

Джульетта: — Нет у меня никакой одышки! И на парик с плешью Марчелло согласился зря. Говорят, ты заставил его надеть этот ужас только для того, чтобы Марчелло еще больше был похож на тебя.

Марчелло: — А еще говорят, что я даже стал сутулиться, как ФеФе. (*Джульетте)* Он не просил — я сам. Он лишь распорядился, что бы я похудел килограмм на восемь. И вот, смотрите, — готово! Вообще, я всегда соглашаюсь с Федерико. По–моему мнению, есть два типа режиссеров: Феллини, который все время хочет, что бы я похудел, и все остальные, которым я гожусь таким, как есть.

Джульетта: — У меня–то всего один тип…(*кивает на Феллини*) И посмотри, что он там понарисовал!

Федерико (*показывает рисунки Мастрояни*): — У меня, наверно, прирожденная тяга к шаржу. Едва увидав, что я пытаюсь нарисовать ее костюм и парик, Джульетта начинает брыкаться. Скажи, дорогая моя, чем тебе не нравится этот платье и милые, льняные кудряшки?

Джульетта: — Идиотские бантики. И слишком много перьев. В самом деле, неужели так необходимо все превращать в карикатуру? Наш танец — самая романтическая сцена! Они когда–то были счастливы и вот теперь, хоть на миг, хотя бы из

последних сил, возвращаются к себе прежним…

Федерико: — Возвращаются!..Так **они** чувствуют. Но зрители должны видеть, что ничего нельзя вернуть. Ни молодость, ни крепкое сердце, ни горячую влюбленность. Остаются лиши иллюзии и сострадание.

Джульетта: — Но парик ужасен! Их стали делать еще хуже!

Федерико: — Ничего, ты наденешь его перед самым выступлением в шоу, а все остальные эпизоды сыграешь в сеточке.

Джульетта: — В сеточке!? Которую одевают под парик… Кошмар… Но… Но, пожалуй так даже лучше.

Журналист: — Между словами «кошмар» и «так даже лучше» — серия батальных сцен большой актрисы и о–о–чень большого режиссера.

Джульетта: — В результате я всегда соглашаюсь с Федерико и когда вижу готовый фильм, понимаю: он был прав!

На экране кадры танца ИЛИ Идут съемки эпизода танца Амалии и Пиппо на сцене:

Перед задником сцены телешоу в полном концертном облачении Джульетта и Мастрояни (текст по сценарию фильма).

*Голос **Феллини–режиссера**: — Зал телестудии. Аудитория публики популярнейшего шоу «А вот с нами…» в панике. Едва объявлен номер наших героев, в здании вырубается свет. Полная темнота. «Пистолет» на Амалию и Пиппо. Они уже вышли к публике, они объявлены и вдруг — темнота. Так… Какое–то время оба стоят неподвижно. Потом **Фред** опускается на пол, расстилает носовой платок и усаживает на него **Джинджер**. Они сидят лицом друг к другу.*

Фред, выполняя указания режиссера, обращается к партнерше: **— Ну хоть присядь на минутку. Я постелю тебе платок.**

Дж: — Ну вот, все платье помнется, и на кого я буду похожа, когда дадут свет?

Фред (*с горькой иронией человека, знающего, чем кончаются такие вещи***) Света больше не будет.**

Дж. *Встревожено*: **— Почему не будет?**

Фред: — А! Во–первых потому, что вся организация у них дерьмовая… А во–вторых, кто сказал, что это не террористическая акция? Не исключено, что в любой момент все может — бах! — взлететь на воздух!

Феллини дает указания актерам: — *Джинджер вновь охватывает страх, она пытается встать, Фред удерживает ее…*

Дж.: — Тогда давай уйдем отсюда (*пытается встать***).**

Фред, *удерживая ее*: **— Ах, Амелия, какая была бы потрясающая история. Представь себе** ***заголовок:*** **«Они**

расстались тридцать лет назад и встретились вновь, что бы умереть вместе!»

Дж: — Ну да! Сегодня такие истории уже никого не трогают! А потом, лично мне это не доставило бы никакого удовольствия!

Феллини: — *Фред, ее не слушает и расслабленно заваливается на спину. Он весь поглощен размышлениями об окружающей их Великой Темноте.*

Фред: — Знаешь, а мне здесь не так уж и плохо. Непонятно, кто ты, как здесь очутился. Тебе Тотто сказал, что я был в сумасшедшем доме? Да, да, это правда!..Но…Не знаю просто, что со мной сделалось, когда ты от меня ушла!.. Синдром беспомощности, одиночества….

Дж(*потрясенная этим признанием***): Клянусь, Пиппо, я ничего не знала. Я бы сразу примчалась к тебе!**

Фред: — А зачем? Наша история закончилась, и работа наша закончилась. Только эти сумасшедшие с телевидения могли вспомнить о нас. Мы привидения, которые возникают из темноты и в темноту уходят.

Дж: — Пожалуй, ты прав. Знаешь, я стараюсь убедить себя, что приехала сюда ради внуков, из каприза в конце концов…. А если по правде, то я очень хотела увидеть тебя.

Фред: — (*Со вздохом***) Очень романтично…Должен сказать, что и я рад был с тобой встретится**!

Феллини: — *Джинджер растрогана до слез. Фред утирает ей глаза подолом платья. Джульетта, где слезы?*

Джульетта: — Не могу! Обычно я разливаюсь ручьем. А сейчас не могу!

Феллини: — *Постарайся…Ну! Он сошел с ума от разлуки, он вновь захотел увидеть тебя…Ты — единственная, да — единственная любовь в его жизни. Теперь это стало ясно. Плачь же, плачь! Так, хорошо, вижу две слезинки… Ты умница, Джульетта! Здесь больше и не надо. Именно так! Дальше, Фред.*

Фред: — Сматываемся. Иди сюда, осторожно, ступенька. Вот вам, теленаркоманы, вот. Вот! (*делает неприличный жест рукой***) Ой!**

Феллини*: — В зале внезапно вспыхивает свет и Фред застывает в своей неприличной позе. Амфитеатр просто заходится от восторга. Не слышу — где фонограмма!? Дайте фонограмму! (Включается звук. Крики публики: — Ого–о–о-о!)*

Ведущий в сопровождении своих ассистентов возвращается на площадку

Он лихорадочно размахивает руками, показывая, что Джинджер и Фред должны вернуться на свое место. Наши

танцовщики неохотно выполняют приказ. Телекамеры подкатывают к сцене. Загорается красная лампочка — сигнал о том, что передача в эфире.

Ведущий: — Все по местам! Господа, мы приносим свои извинения за небольшой перерыв. Представление продолжается с того момента, на котором оно было прервано. Итак, корабль отплывает, уже дан последний гудок, но Джинджер сбегает с трапа, и оба, обнявшись, обещаю друг другу никогда больше не разлучаться. Музыка захватывает наших героев, и они снова танцуем вместе!

Феллини: *— Джинджер и Фред становятся рядом. Луч прожектора высвечивает нашу пару. Снова звучит музыка: — поппури из американских песенок 30-х годов. Джинжер и Фред танцуют. Так… Танцуя, Фред продвигается в сторону рояля и вроде невзначай опирается о него рукой, что бы перевести дух. Постоял, возвращается к партнерше. Но от волнения весь танец вылетел у него из головы! Во время танца Джинджер приходится шепотом подсказывает ему, что нужно делать.*

Дж.: — Ногу вперед!..Поворот…Веди меня туда! Держи крепче!

Фред: — А что теперь?

Дж.: — Медленно поворачивайся! Два раза.

Фред.: — О черт! Судорога!

Дж: — Так, молодец! Чечетка. Браво. Пиппо, прекрасно!

Феллини*: — Фред сосредоточенно выполняет чечетку соло, но внезапно теряет равновесие и тяжело шлепается на пол… Господи, Марчелло… так натурально… Ты жив (Марчелло машетему рукой) Отлично! Публика разражается бурными аплодисментами, звукооператор — уснул? (раздается запись рукоплесканий) Хорошо… Встревоженная Джинджер спешит к партнеру на помощь.*

Дж: — Пиппо!

Ведущий, *помогая Фреду подняться*: **— Вы не ушиблись?**

Пиппо: — Нет! Нет!

Ведущий: — Можно продолжать?

Фред: — Да, да!

Ведущий: — Он хочет продолжать! Давайте похлопаем ему!

Феллини*: — Джинджер и Фред снова танцуют. Джинджер вся во власти чудесной музыки. Сколько воспоминаний с нею связано! Она едва не плачет. Фред задыхается, лоб его покрыт каплями пота, колени подгибаются. Гример, где пот? Больше, больше, пот катится градом! Фред совершенно обессилел…*

Джинджер: — Держись, Пиппо! Осталось немного.

Молодец… Пиппо… У нас все же получилось.

***Феллини**: — Кланяйтесь! Танец окончен. Публика горячо аплодирует. Джинджер едва переводит дух. Фред тяжело дышит. Один из помощников режиссера окликает танцоров и велит им убраться со сцены через боковые двери… Вот, в принципе, и все. Поздравляю, ребята! И прямо сейчас, без перерыва — все еще раз!*

Джульетта: — Дай хоть минутку передохнуть, деспот! Мы же устали!

***Феллини**: — Именно этого мне и надо. Натуральный пот и посильнее одышка. Свет! Внимание, все по местам…*

ЗАТЕМНЕНИЕ

Журналист: — И вот — эпизод отснят. Все собираются в просмотровом зале.

В просмотровом зале *Джульетта, Федерико, Марчелло и Персонажи, изображающие съемочную группу. Идет показ отснятого танца.*

Джульетта: — Марчелло, смотри, что он сделал! Он заставил меня изображать одышку, тебя залил потом и снял лица крупным планом! А ног не видно! Все наши старания пошли к чертям! Никто не видит как виртуозно работают наши ноги.

Марчелло: — Дорогая, тебя он хотя бы не заставил падать. А я — лысый, неуклюжий, и еще позорно валюсь на пол! Теперь, после этой роли, увидав меня, все будут говорить, что я сделал омоложение. Я теряю поклонниц, Фефе!

Федерико: — Но вы хоть понимаете, что я оказался прав! Это трогательно, это по–настоящему берет за живое.

Джульетта: — А пальто и шляпка Джинджеро — мои. Я ловко подсунула их костюмеру и наряд получил всевышнее одобрение.

Федерико: — Я же всегда говорил, что многие твои находки оживляют персонаж. Милая моя малышка…(*обнимает*)

Марчелло: — Сейчас заплачу. Какое потрясающее взаимопонимание! А ведь женаты всего 45 лет!

Танец на экране заканчивается. Из глубины сцены аплодисменты Персонажей.

ЗАТЕМНЕНИЕ. ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ МИЗАНСЦЕНА. Федерико и Джульетта на кроватях у разных краев сцены.

Журналист: — В своей последней работе — в фильме «Интервью» — Феллини раскрывает тайны своей кинолаборатории. С высот опыта и пройденного пути, окидывает прошлое насмешливым и умиленным взглядом. Все лучшее в его жизнь, жизни Мастрояни, прекрасной Аниты — позади. Лишь пленка сохранила навсегда ушедшие образы. Они вновь танцуют — постаревший Мастрояни и эта чудовищная экскрасавица… До

чего же печально, а?

(Кадры из «Интервью, где пожилые Анита и Марчелло смотрят свой эпизод из «Восьми с половиной»)

А где же Мазина? Где же Джульетта? Такое впечатление, что ее вовсе не было.

Феллини *из своей палаты*: — Она достойна отдельного «Интервью». Я сниму, обязательно сниму фильм только о нас — о нас двоих и… кино.

Журналист: Он не снял этот фильм. Юбилейный «Оскар» за вклад в развитие кинематографа оказался последним для Федерико. Получив увесистую статуэтку, маэстро оглядел из–под очков зал и крикнул жене: «Перестань плакать, Джульетта!» Все камеры как по команде нацелили свои объективы на залитое слезами лицо Мазины. Но она зарыдала еще сильнее.

Палата госпиталя в Риме. *Джульетта, обливаясь слезами, смотрит по видаку фильм «Джинджер и Фред». Входит Профессор:*

Профессор: — Извините, что заставил вас ждать. Нейрохирургические операции очень кропотливы и продолжительны. Нам приходится работать с микроскопом. Позволите присесть? (*садится, смотрит на экран. Там Джинжер из уходящего поезда прощальным взглядом ищет на перроне оставшегося Пиппо*).

— Прекрасный фильм. Настоящий, человечный. Моя жена всегда плачет в финале и пристает ко мне: «- Ну, скажи, скажи, что они наконец поженятся!».

Джульетта: — Они не поженятся. Они никогда больше не увидят друг друга. Они понимали это с того самого момента, как встретились. Вся эта история — затянувшееся прощанье. С молодостью, с профессией, с жизнью…

Профессор: — В сущности… такова жестокая реальность. Ни в чем не повинный младенец рождается со смертельным приговором. Жизнь — это хроническая болезнь с летальным исходом.

Джульетта: — А жить все же стоило!.. Что скажете, профессор, поздно?

Профессор: — Увы. Когда вы обратились к нам впервые, два года назад, опухоль была еще не столь велика. Можно было попробовать укротить ее радио или химиотерапией. Но вы наотрез отказались лечь в больницу.

Джульетта: — Я постоянно глотала таблетки!

Профессор: — Общеукрепляющее. И совершенно не заботились о себе.

Джульетта: — Я заботилась о нем. Это лучшее, что я сделала в жизни — помогла Феллини снять его великие фильмы. И еще я

думаю… Я думаю — мало кто мог бы столько сделать для него.

Профессор: — Уж это точно! Любая другая женщина с таким диагнозом заставила бы мужа плясать вокруг нее, предоставить ей лучшее лечении, отдыхе в горах, щадящий режим.

Джульетта: — Щадящий режим! Да что мне с ним было делать — с этим санаторным режимом и отдыхом в горах? Нет… Именно этого я и не хотела. Спасибо, профессор, что вы хранили тайну о моей болезни. А я все эти годы жила так, будто ее и нет…

Профессор: — Мало, кому это удается. Победить страх.

Джульетта: — Я и не победила — укротила. Да я бы и сейчас не была тут. Но Феллини выздоравливает после операции в Римини и я решила воспользоваться случаем. С головой плоховато. Боюсь потерять сознание у него на глазах.

Профессор *берет ее руку*: — Вы героиня, синьора Мазина. Но очень не благоразумная женщина. Возможно, если бы мы взялись за лечение раньше, сейчас не стояли бы перед таким печальным фактом. Разве вы не подумали о том, что неизбежный исход вашей болезни прежде всего поразит мужа? Ведь вы заботились о его покое? Ничего бы с ним не случилось, если бы вы периодически оставляли его и лечились в больнице. Незаменимых людей нет.

Джульетта: — Может, я боялась замены? Боялась оставить его даже не надолго? Глупости, глупости! Он ни за что не бросил бы меня! Федерико боролся бы с болезнью вместе со мной. Но… но он не смог бы работать… Его фильмы…

Профессор: — Они стоят вашей жизни?

Джульетта: — Разве ничего уже нельзя сделать?

Профессор: — Оперировать поздно. Терапия на этой стадии не эффективна.

Джульетта: — И сколько мне осталось?

Профессор: — В лучшем случае… года полтора, два.

Джульетта: — Профессор… Я часто думаю… Понимаете, когда люди долго живут вместе и уже далеко не молоды, эта мысль приходит сама собой…Кто уйдет первым… Ведь только в сказках умирают в одночасье. Я думаю, страшнее тому, кто остается. Как представлю, что Федерико надо будет хоронить меня, а потом одному возвращаться в пустую квартиру…В нашу квартиру… Ведь эта особая пустота — пустота безнадежности. Из нее только одна дверь, один выход… Вы понимаете…

Профессор: — Дорогая моя, дорогая… Разве у нас есть выбор?

Джульетта.(*утирая слезы*) — Простите… В сущности, два года — это совсем не мало. Это целая жизнь, если беречь для радости каждое мгновение. Я буду радостной, я буду такой

счастливой, что бы ничем не омрачить… Ничем, никому не омрачать!.. Только надо что–то сделать, что бы не чувствовать этой жуткой слабости.

Профессор: — С такой опухолью… Слава Всевышнему, что вы еще держитесь. Но должен предупредить — впереди тяжелые дни. Так что, настоятельно советую заранее подготовить вашего мужа. Хотите, я поговорю с ним сам?

Джульетта, *словно окаменев, отрицательно качает головой*: — Н-нет… Ничего… Ничего не надо говорить. Ничего — вы слышите! Ничего!

Больница в Римини. Палата Феллини.

Журналист *у кровати спящего Феллини*: — Вот так сюрприз, синьор эгоист! Два года ничего не замечали? Не замечали, что ваша жена приговорена? Кажется, вы говорили про единый организм, про общую боль с Джульеттой? Воистину — великий человек!(*к зрителям*): Друг и соратник Феллини Брунелло Ронди, тот самый, что подарил шестирукого Шиву, дал ему довольно объемную характеристику: «Это человек соткан из противоречий. Глубоко добрый и столь же глубоко жестокий, честный и варварски равнодушный, альтруист вплоть до самой поразительной нежности, и деспот, замыкающийся в оболочку самого ужасающего эгоизма…» Совмещение несовместимого, тайфун, атомный взрыв. И я добавлю: жесткий эгоист, способный на Поступок. Поступок с большой буквы.

Телефонный звонок, Феллини просыпается, берет трубку.

Мужской голос:

— Привет, Федерико! Это Бруни. Как там твои монашки?

Федерико: — Я бы давно выскочил отсюда, если бы рядом была Джульетта. Знаешь… Без нее я чувствую себя старым ребенком. Капризным, противным и нудным.

Голос: — А что с Джульеттой? Я недавно заходил к ней в больницу, она смеялась и говорила, что попала туда случайно. Но знаешь, ФеФе, выглядит она неважно. Мне совсем не понравились ее глаза.

Федерико: — Джульетта в больнице!? Ты ничего не путаешь? Что же произошло? Она ничего мне не сказала… Сестра!..сестра, срочно доктора! (*роняет телефонную трубку)* Ничего не понимаю!

Заходит Доктор: — Что–то случилось, синьор Феллини?

Федерико: — Я срочно уезжаю в Рим. Мне нужна машина с шофером.

Доктор: — Помилуйте! Вам еще рано предпринимать такие путешествия. Я не могу дать разрешения. Швы не сняты, кардиограмма не лучшая. Это совершенно не возможно! Все

может окончиться весьма печально.

Федерико: — К черту ваши швы и кардиограммы! Джульетта больна.

ЭАТЕМНЕНИЕ

Журналист: — Вот порыв, достойно истинно влюбленного: рискуя жизнью он несется в Рим. (*передвигает кровать Феллини к кровати Джульетты под вывеску «Госпиталь Рима»*) Феллини кладут в соседней палате. Они лежат совсем рядом: выздоравливающий Феллини и умирающая Джульетта. Но он не знает, сколь фатален приговор. Джульетта сумела организовать молчание персонала клиники: она слегка подлечивает сосуды мозга — такова официальная версия для маэстро. Вот и все. Но на носу 31 октября — именно в этот день 50 лет назад юноша в красном шарфе пригласил в дорогой ресторан молоденькую актрису.

Палата *Феллини* *в римском госпитале. Рядом сидит Джульетта. Он показывает ей рисунки:* — Это монашки в больнице Римини. Зад толстухи Паулиньи. Это доктор — серьезный носач. А это рожа все время меня преследовала. Начинающий папарацци. Надоедлив, как муха и жалит, как оса.

Джульетта: — Симпатичный. Похож на тебя

Федерико: — Так оно и есть. Кто может судить нас более строго чем мы сами? И радовать — опять–таки — сами! Ты заметила, что приближается юбилей?

Джульетта: — Юбилей в больнице. Неподходящее место

Федерико: — Какая больница? Хватит больниц! Я совершенно бодр и у меня появился зверский аппетит. Ты помнишь тот ресторан?

Джульетта: — Тот самый? Шикарная обстановка и надменная физиономия официанта… Он предполагал, что ты не сможешь расплатиться и предвкушал скандал.

Федерико: — Фраер попросту завидовал, что со мной такая очаровательная девушка.

Джульетта: — Господи, какую пачку денег ты достал! Ты обольстил меня ФеФе!..(*Обнимаются*)

Федерико: — Решено — мы дружно выписываемся!

Журналист: — Они покинули больницу и, несмотря на сомнения Джульетты, отправились в памятный ресторан. 31 октября 1993 года.

РЕСТОРАН:

Джульетта и Федерико сидят за столиком, официант подает закуски.

Федерико, о*глядываясь*: — Пол века как небывало. Те же пальмы, вазы. Тот же официант.

Джульетта: — Здесь время остановилось, как в сказке… Те же спагетти, тот же сыр. И мы — совсем те же.

Федерико: — Говорят, старость хватает тебя неожиданно… И это верно. Еще только позавчера я был самым молодым в любой компании, в любом застолье. Как, черт подери, могло случиться, что за какую–то неделю я внезапно состарился? А ведь мне кажется, что я ни капельки не изменился.

Джульетта: — Не изменился. До сих пор так и не научился танцевать.

Федерико: — Я ни разу в жизни не решился появиться в зале дансинга. Казался себе смешным, неуклюжим боровом. Боровом потом, вначале — дохлой килькой. Согласись, экземпляр не для пируэтов.

Джульетта: — Врун! Ты же прекрасно танцуешь! Сколько раз я видела, как ты показывал па актерам, превращаясь в признанного учителя танцев. Тебе рукоплескали даже статисты… Скажи честно, ФеФе, если бы не я… С другой все было бы по другому? С НЕЙ ты слился бы в танго, ощущая себя стройным и легким?

Федерико: — С ума сошла! Откуда другая? Только ты. А ну выходи. Я торжественно приглашаю вас, синьора Мазина, на тур вальса.

Джульетта: — Здесь же не танцуют!

Федерико: — Какое нам дело. Прислушайся, наш оркестрик тут как тут*! (оркестр из «8,5» играет нечто вальсовое, Ф и Д делают несколько движений. Ф тяжело дышит)* — У меня непременно получится. Но, видимо, не сразу. Даю тебе слово, что на следующем юбилее мы изобразим полноценный хореографический номер. *(возвращаются за стол)*

Джульетта*, сжимая лоб*: — Федерико… я должна сделать признание…

Федерико: — Что, что еще?

Джульетта: — Пустяки. После ужина.

Федерико: — Перестань мучить себя совершенно неуместными сомнениями. Запомни навсегда: мне с тобой безумно повезло, Джульетта. Слышишь? С тобой. Именно с тобой, только с тобой. И не надо ворошить всякую ерунду!

Джульетта: — Только хорошее, ФеФе…. Уж и не знаю, почему расщедрились небеса к коротконогой малышке, подарив ей такое сокровище. Ты огромен, Федерико, ты великан… у меня даже голова идет кругом…

Федерико: — Я мучил тебя, знаю. Но ведь по–другому не получалось, правда?

Джульетта: — Правда, ФеФе.

Федерико: — Ты простила меня?

Джульетта: — Глупый! Я не смогла бы жить без тебя. И знаешь, что самое замечательное? Мне никогда не было скучно. Никогда… И не будет. Мы еще много сделаем, «зрелый мастер»!

Федерико: — Зрелый… Скорее — переживший самого себя. Критики пишут, что в последних фильмах я повторяюсь. Может, в самом деле, я лишь пережевываю пережеванное? Мне кажется, мой зритель умер — я как воздушный шар, несусь в неведомое, давно потеряв ориентиры.

Джульетта: — Ты всегда преувеличиваешь опасности. Зритель жив, шар ждут на земле. Главное для тебя сегодня — не простудиться.

Джульетта поправила шарф Феллини и вдруг расплакалась.

Федерико: — Ну не надо, милая. Не плачь, не плачь… Джельсомина…

— О*н поперхнулся. Задыхается, сползает со стула. Кто–то кричит: «- Вызовите скорую»! Да поживее, синьору плохо!»*

ЗАТЕМНЕНИЕ

Журналист: — Приехала «скорая». Феллини отвезли в больницу, ту самую из которой он выписался несколько дней назад. Его пытались спасти — но безуспешно — он умер еще там, в ресторане.

«Не плачь, Джельсомина!» — эти слова стали последними. Феллини назвал Джульетту именем ее знаменитой героини. *(накрывает кровать с Феллини черным и выкатывает в центр сцены, ставит цветы)*. На похороны Феллини пришли миллионы людей. Все радио и телестанции прекратили работу. Дорога от Рима до Римини, где находится фамильный склеп Феллини, была забита машинами. Многотысячная толпа провожала траурный кортеж аплодисментами. На похоронах Джульетта робко улыбалась в ответ на соболезнования. Друзьям говорила: «Без Феллини меня нет».

Она пережила мужа на пять месяцев и умерла не столько от болезни, сколько от тоски. (*накрывает кровать Джульетты черным)* Тоски и горечи. Едва не стало Феллини, вышла сенсационная книга той самой голландки Линды Стейнбек «Виды любви», где она подробно описывала оргии с участием некоего известного режиссера и называла Феллини бисексуалом. А потом в газете под названием «Настоящей женой Феллини была я» появилось интервью Толстухи. Но Италия не желала развенчивать своих кумиров. Книгу Стейнбек быстро забыли, Толстуху наказали презрением. Федерико и Джульетту защитили. *«Надо быть идиотом — сказал **Нино Ротто**, — что бы столько лет наблюдать мужчину и женщину и не чувствовать фальши в их*

отношениях. Им нечего было скрывать. Они любили друг друга»

Они и впрямь были единым организмом и остались неразлучными после смерти. Джульетту похоронили рядом с мужем и сыном (*подкатывает кровать Джульетты к кровати Феллини. Вокруг стоят Персонажи*) Тонино Гуэрро — друг и соратник Феллини и Джульетты собственноручно сделал памятник: серебристое крыло паруса склонилось над водой, не иссякая, бежит по лунному металлу, широкая струя. На надгробной плите кроме имен и дат выбита фраза, удивляющая любопытных туристов: «Теперь Джульетта, ты можешь плакать»

Оркестрик из «8,5» проходит, увлекая Персонажей в хоровод. С ними идут Джульетта и Федерико.

Звучат слова: «То, что мы называем жестокой реальностью — не что иное, как обманный маневр, убогие декорации, за которыми прячется жизнь. Настоящая жизнь — это праздник, ярмарочный балаган с фейерверками, ряжеными, феями, небылицами и сладко–безумной музыкой. На него попадают только достойные и посвященные… Достойные и Посвященные…»

К О Н Е Ц